

Проф. В. Ф. ЛЕВИТСКИЙ.

Описание Черниговской губернии.

Составлено по поручению Губернскаго Земства членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества А. А. Русовымъ. Томъ I. Черниговъ 1898. Томъ II. 1899.

Издание редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губерніи“.

Наша земская статистика въ теченіе двадцатипятилѣтняго своего существованія накопила массу цѣнныхъ матеріаловъ для изученія хозяйственнаго и общественнаго быта отдѣльныхъ губерній Россіи. Эти матеріалы, представляемые земско-статистическими работами, широко использованы для выясненія разнообразныхъ мѣстныхъ нуждъ въ области народнаго хозяйства, народнаго образованія, санитарныхъ условій жизни населенія, и т. п.; они легли въ основу цѣлаго ряда практическихъ земскихъ мѣропріятій и послужили фундаментомъ для упорядоченія земскаго хозяйства, въ особенности въ такихъ земствахъ, выдѣляющихся образцовою постановкою своей статистики, какъ напримѣръ Московское, Херсонское и другія.

Помимо непосредственнаго практическаго значенія, земско-статистическія изслѣдованія представляютъ огромный интересъ для науки. Въ нихъ заложены цѣнные элементы отечествовѣдѣнія, систематическаго изученія быта населенія разныхъ раіоновъ Россіи. Рисуя въ различныхъ отношеніяхъ состояніе отдѣльныхъ мелкихъ территоріальныхъ единицъ, дворовъ, хозяйствъ, сельскихъ общинъ и уѣздовъ, земская статистика заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе готовые матеріалы, на основаніи которыхъ можно представить жизнь болѣе обширныхъ раіоновъ, цѣлыхъ губерній и областей и наконецъ нарисовать общую картину хозяйственнаго и общественнаго быта Россіи. При этихъ сводныхъ описаніяхъ сколько нибудь значительныхъ территоріальныхъ единицъ, на основаніи земской статистики, для того чтобы скомбинировать различныя категоріи данныхъ, заставить, такъ сказать, заговорить цифры и факты, раскрыть тенденціи и направленія въ теченіяхъ разныхъ сторонъ хозяйственнаго и общественнаго быта, требуется огромный и умѣлый трудъ систематизаціи и обработки матеріаловъ, представляющій большія трудности. Мысль о необходимости приступить къ систематической обработкѣ матеріаловъ земской статистики уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ широко пропагандировалась предсѣда-

телемъ статистическаго отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества, почтеннымъ профессоромъ А. И. Чупровымъ, высказывавшимъ опасеніе, что многія данныя земской статистики могутъ потерять интересъ современности, раньше чѣмъ они получаютъ надлежащую обработку, и его призывъ не остался безъ результатовъ....

До сихъ поръ созидательная работа по объединенію матеріаловъ земской статистики и сводкѣ ея данныхъ выразилась въ двухъ направленіяхъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ кружокъ лицъ изъ состава членовъ Московскаго Юридическаго Общества, превосходно подготовленныхъ къ своей задачѣ, во главѣ съ А. И. Чупровымъ выработалъ планъ сводки и обработки земско-статистическихъ данныхъ для всей Россіи, по отдѣльнымъ сторонамъ и вопросамъ русскаго народно-хозяйственнаго быта. Въ результатъ задуманнаго плана появилось подъ общимъ заглавіемъ «Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики»—двѣ солидныя работы—сочиненіе «Крестьянская община» В. В. (г. Воронцовъ), со статьей А. О. Фортунатова «Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства» Москва 1892 г. и соч. А. Н. Карышева. «Аренда вѣнадѣльныхъ крестьянскихъ земель». На ряду съ этимъ, по почину нѣсколькихъ земствъ сдѣланы были опыты своднаго описанія, по даннымъ земской статистики, отдѣльныхъ губерній. Такія сводныя описанія были отчасти выполнены для губерній: Петербургской, Саратовской, Орловской (только относительно статистики урожая въ по отчетамъ корреспондентовъ) и Курской; послѣднее сдѣланное въ свое время проф. Вернеромъ, къ сожалѣнію, почти утеряно для науки, такъ какъ экземпляры этой работы можно теперь найти развѣ только въ двухъ столичныхъ публичныхъ библіотекахъ. Наконецъ, въ позднѣйшее время, по порученію Черниговскаго губернскаго земства, составлено А. А. Русовымъ, обозначенное въ заголовкѣ этой замѣтки, сводное описаніе Черниговской губерніи.

Для успѣшнаго выполненія обработки матеріаловъ земской статистики въ обоихъ указанныхъ выше направленіяхъ, т. е. по отдѣльнымъ губерніямъ и по отдѣльнымъ сторонамъ быта для всей Россіи,—существуютъ крупныя преграды въ самомъ состояніи земско-статистическихъ изслѣдованій. Важное значеніе здѣсь имѣетъ то обстоятельство, что хотя вообще земскія изслѣдованія сходны по задачамъ и основному плану, но они представляютъ большую неоднородность въ частностяхъ примѣнявшихся программъ, при этомъ во многихъ земствахъ поуѣздное описаніе губерніи еще незакончено, въ другихъ имѣли мѣсто продолжительные перерывы въ производствѣ земско-статистическихъ изслѣдованій, какъ напримѣръ въ Черниговской губерніи они возобновлены послѣ перерыва, продолжавшагося цѣлыхъ 15 лѣтъ, и только въ одномъ Московскомъ земствѣ, пока не превзойденномъ по образцовой постановкѣ своей земской статистики, циклъ поуѣзднаго описанія губерніи въ теченіе 25 лѣтъ выполненъ два раза. При такихъ условіяхъ, авторъ, взявшій на себя задачу своднаго описанія и

съ успѣхомъ поборонить всѣ препятствія, заключающіяся въ неоднородности программъ и пріемовъ земско-статистическихъ изслѣдованій, имѣть возможность характеризовать данныя серіи явленій хозяйственной жизни только въ статическомъ состояніи, какъ приуроченныя къ опредѣленному моменту времени, но тамъ гдѣ ему необходимо прослѣдить тѣ же явленія въ состояніи движенія и развитія, когда онъ задается вопросомъ о происходящихъ преобразованіяхъ въ тѣхъ или другихъ сторонахъ общественнаго быта, у него сплосъ и рядомъ недостаетъ необходимыхъ матеріаловъ для сравненія во времени. Если авторамъ «Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики» удалось съ успѣхомъ выполнить свою задачу по вопросу о сельской общинѣ и земельной арендѣ,—то этотъ успѣхъ объясняется характеромъ изслѣдованныхъ ими сторонъ хозяйственнаго быта, такъ какъ морфологія землевладѣнія, составлявшая предметъ ихъ изслѣдованія, относится къ области наиболѣе устойчивыхъ явленій, не такъ быстро подвергающихся существеннымъ перемѣнамъ. За то до самаго послѣдняго времени мы не имѣемъ сколько нибудь удачнаго своднаго описанія, на основаніи земско-статистическихъ данныхъ, по такимъ вопросамъ, какъ мобилизація поземельной собственности и происходящія преобразованія въ распредѣленіи послѣдней, хотя въ русской литературѣ появилось нѣсколько работъ этого рода, по своей крайней тенденціонности не гармонирующихъ съ задачами объективнаго описанія.

На ряду со сводными описаніями по губерніямъ и по отдѣльнымъ сторонамъ хозяйственнаго быта, было бы въ высокой степени цѣлесообразнымъ и крайне желательнымъ появленіе сводныхъ описаній по отдѣльнымъ типичнымъ областямъ Россіи, какъ такимъ территоріальнымъ единицамъ, которыя представляются однородными по населяющимъ ихъ народностямъ, по ихъ экономическому положенію, особенностямъ поземельнаго строя и т. п. Но самая возможность появленія такихъ порціонныхъ сводныхъ описаній предполагала бы существованіе особой организациі областной статистики на подобіе той, которая осуществлена въ Германіи въ видѣ статистическихъ бюро отдѣльныхъ государствъ Германской Имперіи, Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Виртемберга и т. п. У насъ задачу организациі областныхъ статистическихъ изслѣдованій, только исключительно для окраинъ Россіи, періодически брали на себя отдѣльныя вѣдомства и высшія областныя управленія. Почину этихъ учреждений мы обязаны существованіемъ такихъ цѣнныхъ работъ, какими являются труды, изданные управленіемъ Удѣловъ о закавказскихъ крестьянахъ подъ редакціей г. Тихѣва въ 26 огромныхъ томахъ, изслѣдованія Астырева о землепользованіи и хозяйственномъ бытѣ сельскаго населенія восточной Сибири, работы г. Кауфмана о западной Сибири и т. п. Что касается коренныхъ губерній Европейской Россіи, то здѣсь, при отсутствіи зачатковъ областной статистики, какъ из-

вѣстно, вся организація статистическихъ изслѣдованій, какъ правительственная въ видѣ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, такъ и земская, приурочена къ отдѣльнымъ губерніямъ. Поэтому всякая попытка сводки статистическихъ данныхъ по областнымъ территориямъ, напр., для центральной Россіи, Малороссіи, Новороссійскаго Края, при неодинаковомъ состояніи земско-статистическихъ изслѣдованій отдѣльныхъ губерній, входящихъ въ составъ данной области и при неоднородности принятыхъ въ отдѣльныхъ земствахъ программъ изслѣдованія—должна встрѣтиться съ столь же непреодолимыми трудностями, какъ и сводное описаніе для всей Россіи, разъ оно выходитъ за предѣлы такихъ общихъ явленій, какъ формы землевладѣнія и промысловъ и т. п. Такимъ образомъ, при современной организаціи статистики въ Россіи, сводныя описанія, рассчитанныя на подведеніе итоговъ земско-статистическихъ изслѣдованій по всемъ затронутымъ ими сложнымъ явленіямъ хозяйственной жизни, могутъ съ успѣхомъ быть выполнены только по отдѣльнымъ губерніямъ. Неудобство погубернскихъ сводныхъ описаній заключается въ томъ, что губернія, какъ единица описанія, представляетъ собою искусственно выкроенный районъ, въ географическомъ, хозяйственномъ, этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ. Но, представляя извѣстное неудобство для цѣлей научныхъ, погубернскія сводныя описанія за то вполне отвѣчаютъ насущнымъ потребностямъ земскаго управленія тѣмъ, что, формулируя основныя нужды и потребности разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, отмѣчая недочеты и несовершенства въ дѣятельности и постановкѣ отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства, они готовятъ рациональную, обоснованную на фактахъ и цифрахъ программу будущей дѣятельности земскихъ учреждений,— а это именно и есть та задача, которую имѣли въ виду земства, жертвовавшія значительныя средства на организацію своихъ статистическихъ бюро.

Описаніе Черниговской губерніи, сдѣланное г. Русовымъ, являясь сравнительно узкимъ по своему территоріальному району, оказывается весьма сложнымъ и обширнымъ по разнообразію явленій, а также сторонъ общественнаго и хозяйственнаго быта, введенныхъ авторомъ въ это описаніе и получившихъ въ немъ яркое и обстоятельное освѣщеніе. Работа, выполненная Г. Русовымъ, ясно представится во всей своей сложности, если мы укажемъ, что въ сферу его изслѣдованія вошли слѣдующія группы явленій: 1) Образованіе территоріи губерніи съ обстоятельнымъ изложеніемъ исторіи населяющихъ ее народностей. 2) Территорія губерніи въ связи съ исторіей ея изученія. 3) Орогеографическій очеркъ губерніи. 4) Климатъ. 5) Геологическое строеніе. 6) Почвы губерніи. 7) Распредѣленіе площади по угодьямъ. 8) Землевладѣніе. 9) Лѣса. 10) Кормовая площадь, луга и выгоны. 11) Пищевая площадь и полеводство. 12) Скотоводство. 13) Населеніе. 14) Народное образованіе. 15) Постройки. 16) Дороги, ярмарочныя и торговые пункты. 17) Промышленность 18) Ме-

дицина. 19) Платежи и налоговое обложение государственное, земское и мирское. Казалось бы, что изслѣдованіе, построенное по столь сложной программѣ, затрагивающее столько разнообразныхъ сторонъ состоянія губерніи въ ея физическихъ, географическихъ и общественно-экономическихъ условіяхъ, при томъ претендующее на полноту и обстоятельность, могло быть съ успѣхомъ выполнено только сотрудничествомъ цѣлаго ряда специалистовъ, геологовъ, почвовѣдovъ, таксаторовъ, метеорологовъ, медиковъ, экономистовъ и статистиковъ. Если однако г. Русовъ превосходно справился со своей задачей и въ своемъ «Описаніи Черниговской губерніи» далъ цѣнный трудъ, имѣющій большое мѣстное значеніе, то это обуславливалось счастливымъ сочетаніемъ въ его личности, какъ знатока Черниговской губерніи, цѣлаго ряда благоприятныхъ условій для выполненія этой работы. Приступая къ этой работѣ, г. Русовъ располагалъ уже высокимъ опытомъ въ дѣлѣ организаци и веденія статистическихъ работъ, приобретеннымъ имъ въ теченіе болѣе двадцатилѣтнихъ непрерывныхъ статистическихъ изслѣдованій, сперва въ качествѣ статистика Черниговскаго земства, а затѣмъ завѣдующаго статистическимъ бюро Херсонскаго земства. Въ теченіе всего этого періода г. Русовъ не терялъ связи съ земско-статистическими работами, производившимися въ Черниговской губерніи, въ которыхъ онъ принималъ участіе, то какъ инициаторъ, то какъ организаторъ и исполнитель. Какъ инициаторъ, онъ въ своемъ опытѣ «Довжинская волость Черниговскаго уѣзда», и «Деревня Кошовка, Довжинской волости», предупредилъ общее поуѣздное земско-статистическое изслѣдованіе Черниговской губерніи, выполненное въ періодъ 1877—1886 годовъ, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ описаніи и редакціи уѣздовъ Борзенскаго, Черниговскаго, Новозыбковскаго и совершенно самостоятельно описалъ Нѣжинскій уѣздъ (1879 г.), по порученію уѣзднаго земства. Впрочемъ, читая «Описаніе Черниговской губерніи», на каждой страницѣ убѣждаешься, что г. Русовъ не простой статистикъ, выполняющій заданную работу, а изслѣдователь, сдѣлавшій изученіе Черниговской губерніи своей любимой спеціальностью, одинаково интересующійся исторіей и географіей, этнографіей и хозяйственнымъ бытомъ этой губерніи, которымъ не только тщательно были изучены всѣ мѣстныя изслѣдованія, касавшіяся Черниговской губерніи, но отъ вниманія котораго не ускользнули интересные факты, иногда краткія замѣчанія, въ общихъ сочиненіяхъ по естествознанію, геологій, этнографіи, хозяйственному быту, относящіяся къ Черниговской губерніи. Только при такомъ широкомъ энциклопедизмѣ автора по части Черниговской губерніи, могла быть съ успѣхомъ выполнена имъ сложная работа «Описанія». При этомъ автору болшую службу сослужило его спеціальное историческое образованіе и широкое знакомство съ русской статистикой, какъ земской, такъ и официальной.

Для того чтобы показать, какъ авторъ справился со своей задачей, для насъ нѣтъ надобности въ этой рецензіи слѣдовать за нимъ по всѣмъ вопросамъ, затронутымъ въ его «Описаніи», для нашей цѣли достаточно, если мы остановимся на подробномъ разсмотрѣніи существенной части его изслѣдованія, относящейся къ землевладѣнію и земледѣлію. Считая основною частью «Описанія» главы, отведенныя землевладѣнію и сельскому хозяйству, мы основываемся, между прочимъ, на томъ, что и Черниговское Земство, поручавшее г. Русову сводное описаніе губерніи, и самъ авторъ существо своей задачи видѣлъ въ изслѣдованіи сельскаго хозяйства и землевладѣнія. Та же задача лежала въ основѣ систематическаго изслѣдованія хозяйственнаго положенія Черниговской губерніи, произведеннаго земскимъ статистическимъ бюро, работы котораго были изданы подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій». То главное значеніе, которое всѣ мѣстныя изслѣдованія Черниговской губерніи придавали земледѣлію, находятъ свое объясненіе въ томъ, что эта губернія, до послѣдняго времени, не смотря на пересѣкающія ее въ разныхъ направленіяхъ желѣзныя дороги, остается исключительно губерніей земледѣльческой, отличающейся крайне слабымъ развитіемъ не только крупной индустріи, но также кустарныхъ промысловъ и торговли. Земледѣліе и сельское хозяйство, какъ прежде, такъ и теперь, остается тѣмъ основнымъ источникомъ, изъ котораго черпаютъ средства существованія всѣ слои населенія губерніи.

Спрашивается теперь, какіе же имѣются для Черниговской губерніи матеріалы, на основаніи которыхъ авторъ могъ изобразить положеніе землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Основные и самыя цѣнныя данныя для описанія этой отрасли народнаго хозяйства представляютъ непосредственныя наблюденія, цифры и факты, собранные земской статистикой и изданные въ періодъ съ 1876 до 1885 года въ 15 томахъ подъ заглавіемъ «Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій». Имѣющіе высокую научную цѣну, матеріалы этого описанія теряютъ въ своемъ значеніи отъ того, что послѣ 1886 года такія же изслѣдованія на мѣстѣ болѣе не повторялись, а потому нѣтъ возможности выяснитъ какія преобразованія въ хозяйственномъ бытѣ населенія Черниговской губерніи произошли за послѣднія 15 лѣтъ и въ какомъ направленіи совершается въ ней эволюція поземельныхъ отношеній и сельскаго хозяйства. Поэтому приуроченіе работы своднаго описанія къ даннымъ, заключающимся въ «Матеріалахъ для оцѣнки угодій» ставило бы задачу изслѣдователя въ очень узкія рамки. Но Черниговская губернія, недостаточно обследованная въ трудахъ ея земской статистики, сравнительно очень богата, какъ сочиненіями отдѣльныхъ авторовъ, такъ и официальными анкетами, посвященными изслѣдованію топографіи, землевладѣнія и хозяйственнаго быта, которыя періодически появлялись въ свѣтъ, начиная со второй половины прошлаго столѣтія и до послѣдняго времени. Въ ряду сочиненій частныхъ

лишь высокій интересъ для изученія земледѣльческаго быта представляютъ сочиненіе Василя Рубана «Землеописаніе Малыя Россіи, изъясняющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей и сколько гдѣ въ борныхъ казаковъ, подпомощниковъ, посполитыхъ по ревизіи 1764 года находилось» и прибавленіе къ книгѣ его «Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ»; сочиненіе Шафонскаго. «Черниговское намѣстничество. Топографическое описаніе 1786 г.», капитальныя работы г. Лазаревскаго (Описаніе Старой Малороссіи, полки Стародубскій и Нѣжинскій) и проф. Лучицкаго (Матеріалы для исторіи общихъ и общественныхъ земель Лѣвобережной Украины въ XVIII в. 1884 г.). Изъ официальныхъ работъ огромное значеніе для изученія хозяйственнаго быта Черниговской губерніи имѣетъ прежде всего извѣстная Румянцевская опись 1768 г., затѣмъ цѣлая масса матеріаловъ относительно топографіи и землевладѣнія въ губерніи, добытыхъ генеральнымъ межеваніемъ въ періодъ съ 1859 до 1890 года, которое организовано было съ цѣлю устраненія крайней чрезполосности, вредившей интересамъ земледѣлія. Начало генеральнаго межеванія совпадало съ окончаніемъ другой обширной работы, произведенной въ сороковыхъ годахъ и законченной въ 1856 г.—военно-топографической съемки для составленія подробныхъ картъ въ масштабѣ 3 верстъ въ дюймѣ, доставившей цѣнныя данныя въ специальномъ изданіи «Матеріаловъ, для географіи и статистики Россіи, Черниговская губернія 1865 г.». Наконецъ, для новѣйшаго времени дополненіемъ раньше изданныхъ «Матеріаловъ по оцѣнкѣ угодій», явились въ 1895 году свѣдѣнія, собранныя Черниговской губернской земскою управой черезъ уѣздныя земскія управы о землевладѣніи сельскихъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ, почерпнутыя изъ окладныхъ книгъ. Всѣ эти литературные источники, тщательно изученные г. Русовымъ, дали ему возможность сравнить современное положеніе землевладѣнія и земледѣлія съ состояніемъ этой отрасли народнаго хозяйства въ прошломъ столѣтіи и показать, насколько картина поземельныхъ отношеній, отразившаяся въ земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ за періодъ отъ 1876 до 1885 года, измѣнилась за послѣднее десятилѣтіе.

Обращаясь къ характеристикѣ главныхъ элементовъ землевладѣльческаго быта Черниговской губерніи, мы должны сначала отмѣтить, каковы, по описанію г. Русова, естественныя данныя, представляемыя территоріей этой губерніи для земледѣлія и сельскаго хозяйства, насколько она богата почвами удобными для земледѣлія, какое мѣсто въ ней занимаютъ лѣса, некультивированныя пространства, пустоши и болота и т. п.

Оказывается, что изъ всей площади территоріи Черниговской губерніи, равняющейся 4.798,059 десят., пахатныя земли занимаютъ 2.596,901 дес., остальное пространство занято лѣсами и кустарниками въ количествѣ 1.113,853 десят., сѣнокосами и выпасами—906,723 десят. Кромѣ того подъ усадьбами находится 256,010 десят. и совершенно неудобныхъ для

культуры земель (болотъ и т. п.) считается 246,265¹⁾. Что касается пахатныхъ земель—то изъ нихъ только 26,₈⁰/₁₀₀ черноземныхъ, а затѣмъ 30,₇⁰/₁₀₀ съ почвою сѣрою, глинистою и 42,₅⁰/₁₀₀ песчаню. Вообще въ Черниговской губерніи преобладающими являются почвы съ песчанымъ составомъ въ основѣ, которыя въ общемъ занимаютъ 945,650 десятинъ²⁾. Относительное качество земель этихъ трехъ категорій лучше всего характеризуется степенью урожайности на нихъ ржи, при полномъ отсутствіи удобрения. При этомъ условіи урожайность ржи, на песчаныхъ почвахъ колеблется отъ 12 пуд. (сыпучіе пески) до 18—20 пудовъ (боровая песчаная почва). На глинистыхъ почвахъ урожайность ржи, смотря по качеству почвы, колеблется отъ 20 до 32 пудовъ и на черноземныхъ отъ 45 до 72 пудовъ на десятину. Но эти почвы крайне неравномѣрно распредѣлены на пространствѣ Черниговской губерніи: черноземъ преобладаетъ въ Конотопскомъ уѣздѣ, сѣрыя суглинистыя почвы въ Мглинскомъ и пески въ бѣдѣйшемъ Суражскомъ уѣздѣ. При среднихъ качествахъ почвы, Черниговская губернія въ общемъ представляетъ благоприятныя условія для земледѣлія, вслѣдствіе обезпеченія ея достаточнымъ количествомъ влаги, такъ какъ извѣстно, что наиболѣе ровными урожаями отличаются не тѣ раіоны, гдѣ почва самага высокаго качества (напр. Новороссійскій край), а тѣ, которые, при умѣренныхъ качествахъ своей почвы, хорошо обезпечены влагою въ видѣ атмосферныхъ осадковъ и орошенія. Среднее количество осадковъ для Черниговской губ. 533 миллиметровъ, нѣсколько ниже чѣмъ въ Могилевской губерніи (580 м.) и гораздо больше, чѣмъ въ Одессѣ (402,₂), при чемъ наибольшее число дней съ осадкомъ приходится на Іюнь и Іюль, а наименьшее на Январь и Февраль. Чередованіе дождливыхъ и сухихъ годовъ характеризуетъ климатъ Черниговской губерніи, также, какъ и по температурѣ, въ смыслѣ умѣренности: рѣзкихъ колебаній въ выпаденіи осадковъ, какія, напр., наблюдаются въ Новороссійскихъ степяхъ, здѣсь нѣтъ. Къ натуральнымъ даннымъ относится и орошеніе губерніи. Въ этомъ отношеніи наблюдаемъ въ ней обиліе рѣчныхъ водъ. Въ ряду рѣкъ, орошающихъ Черниговскую губернію, первое мѣсто занимаетъ Днѣпръ, и его притоки: Десна, Трубежъ, Супой, Сула; затѣмъ притоки Десны—Сеймъ, Остеръ, Судость, Сновъ, рѣки Сожъ, Ипутъ, Бесѣдъ. Изъ этихъ рѣкъ Днѣпръ и Десна судоходны на всемъ протяженіи губерніи, остальные же служатъ только для сплава лѣса въ половодье.

Какъ же эти физическія данныя условія Черниговской губерніи использованы для земледѣлія и сельскаго хозяйства, что сдѣлано въ ней со стороны земледѣльческаго искусства для эксплуатаціи естественныхъ богатствъ и какіе результаты при этомъ достигнуты по отношенію къ росту

¹⁾ См. описаніе Черниговской губерніи Т. I, стр. 155.

²⁾ Тамъ же, стр. 137—138.

³⁾ То же, стр. 123.

народнаго богатства и экономическаго обезпеченія населенія, въ какомъ положеніи находится сельское хозяйство въ его различныхъ отрасляхъ, получившихъ развитіе въ Черниговской губерніи?

Для того чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы, слѣдуя за г. Русовымъ, послѣ констатированія физическихъ условій земледѣлія, остановимся на выясненіи другой категоріи данныхъ—общественно-хозяйственныхъ, характеризующихъ отношеніе населенія къ землѣ, каковыми являются формы землевладѣнія и особенности въ условіяхъ землепользованія и распредѣленія поземельной собственности между разными классами населенія. Въ отношеніи формъ землевладѣнія Черниговская губернія характеризуется почти полнымъ отсутствіемъ общиннаго владѣнія и господствомъ участковой собственности среди крестьянскаго сословія. Въ ряду же губерній съ участковымъ владѣніемъ въ крестьянскомъ классѣ, такихъ, какъ напр., Кіевская, Подольская и т. п., Черниговская губернія выдѣляется одною особенно характерною чертою въ землепользованіи, а именно крайнимъ развитіемъ черезполосности, обусловливаемой чрезвычайнымъ дробленіемъ земель, какъ владѣльческихъ, такъ и крестьянскихъ. Изъ трехъ видовъ дробленія земельной собственности столь полно охарактеризованныхъ Альфредомъ Фовилемъ въ его извѣстной монографіи «Le Morcellement. Paris 1885» по отношенію къ Франціи—дробленія собственности въ смыслѣ отсутствія латифундій и преобладанія мелкихъ комплексовъ владѣнія, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи и Бельгіи (*division de la propriété*), дробленія обусловленнаго системой хозяйства трехпольной, многопольной и т. д. (*le fractionnement parcellaire*),—и, наконецъ, дробленія такого вида, когда земля даннаго лица подѣлена на значительное число участковъ, раздѣленныхъ между собою владѣніями другихъ лицъ (*la dispersion des propriétés*),—именно этотъ послѣдній видъ дробленія, называемый черезполосностью, получилъ широкое развитіе въ Черниговской губерніи. Черезполосность владѣнія въ Черниговской губерніи довольно давняго происхожденія. Мы не будемъ останавливаться на исторіи происхожденія этой черезполосности, обстоятельно изложенной г. Русовымъ¹⁾, а отмѣтимъ здѣсь тотъ фактъ, что еще въ 1853 году констатировано было въ Черниговской губерніи существованіе крайней черезполосности, какъ среди мелкихъ владѣльцевъ-казаковъ, такъ и среди крупнаго землевладѣнія и что тогда уже бывали случаи, когда владѣніе въ 1,000 десятинъ состояло изъ нѣсколькихъ сотъ кусковъ земли. При этомъ владѣнія крупныхъ собственниковъ иногда были выкроены въ видѣ лентъ, длиною въ 5—6 верстъ, а шириною въ одну сажень²⁾. Въмѣстѣ съ этимъ въ Черниговскихъ дачахъ были перемѣшаны полосы земель бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависи-

1) См. описаніе Черниговской губ., Т. I, стр. 57.

2) То же, стр. 68.

мости, помѣщиковъ, казаковъ, казенныхъ крестьянъ, мелкихъ владѣльцевъ другихъ сословій, казны и церковей. Средній же размѣръ земельныхъ полосъ колебался отъ $1\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{9}$ десятины. Такое развитіе чрезполосности вызвало настойчивыя жалобы со стороны крупныхъ собственниковъ на представляемые ею неудобства для сельскаго хозяйства, съ постоянными обращеніями къ правительству о принятіи мѣръ для устраненія этого существеннаго для хозяйства неудобства. Въ отвѣтъ на эти жалобы явилось правительственное мѣропріятіе въ видѣ генеральнаго межеванія. Планъ генеральнаго межеванія сводился къ тому, чтобы полевая земля отдѣльныхъ владѣній, превышавшихъ 300 десятинъ, обязательно сводить въ одинъ отрубной участокъ, но при этомъ и владѣльцамъ болѣе 50-ти десятинъ предоставлялось право требовать вымежеванія ихъ земли въ отдѣльные участки. Такимъ образомъ генеральное межеваніе имѣло своей задачей уничтоженіе чрезполосности въ крупныхъ и самое большее въ среднихъ имѣніяхъ, оно не распространялось на мелкую собственность крестьянъ и казаковъ, но косвенно, какъ мы увидимъ ниже, коснулось и ея. Въ результатъ произведенной межевою палатою въ теченіе 30 лѣтъ (1860—1890 г.) работы—былъ выводъ изъ чрезполосицы болѣе чѣмъ *полутора милліона десятинъ*. При этомъ пространство отрубныхъ участковъ въ общемъ по губерніи увеличилось съ $18,9\%$ до $53,8\%$, т. е. почти въ три раза. Характерно то, что крупные и средніе землевладѣльцы снимавшіе съ себя своими жалобами на чрезполосность, какъ тормазъ для земледѣльческой культуры, значительную долю отвѣтственности за дурное состояніе сельскаго хозяйства въ ихъ имѣніяхъ, до самаго послѣдняго времени почти вовсе не воспользовались для земледѣльческихъ улучшеній удобствами, связанными съ устраненіемъ чрезполосности. За самыми рѣдкими исключеніями, съ ихъ стороны не явилось стремленія перейти къ болѣе усовершенствованнымъ системамъ хозяйства и полеводства; старое трехполье и веденіе хозяйства, по выраженію г. Русова, «въ духѣ народной агрономіи» теперь, какъ и прежде, составляетъ общее явленіе. Состояніе хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ на одного изъ позднѣйшихъ его изслѣдователей производитъ удручающее впечатлѣніе полнымъ отсутствіемъ признаковъ хозяйственнаго прогресса, даже по сравненію съ такими сосѣдними съ нею губерніями, какъ Могилевская, Минская, Орловская, Курская и Полтавская. Очевидно, что есть какія то другія болѣе основныя причины, обуславливающія отсталость и застой въ сельскомъ хозяйствѣ крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ Черниговской губерніи. Объ этихъ причинахъ мы будемъ говорить ниже, а пока отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что выводъ изъ чрезполосицы почти $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ земель, подлежащихъ прежде общему праву выпаса на нихъ скота, несомнѣнно отозвался на мелкихъ хозяйствахъ крестьянъ и казаковъ

1) Описаніе, Т. I, стр. 205.

ухудшеніемъ условій скотоводства¹⁾. Генеральное межеваніе не распространялось прямо на крестьянскія надѣльные земли, но косвенно оно повлияло на сокращеніе пастбищъ и выпасовъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ вслѣдствіе разверстанія владѣльческихъ угодій и выдѣленія ихъ въ отрубные участки. Въ крестьянскомъ землевладѣніи до межеванія и послѣ него продолжала существовать череполосность, вытекающая изъ условій трехпольнаго хозяйства, при чемъ земельный надѣлъ каждой семьи находится въ трехъ полевыхъ участкахъ, не считая пустошей, лѣсовъ и сѣнокосовъ.

О размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, а равно о распредѣленіи земельной площади Черниговской губерніи г. Русовъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ, комбинируя свѣдѣнія Центрального Статистическаго Комитета, генеральнаго межеванія, матеріалы, собранные Губернской Земской Управой, на основаніи окладныхъ книгъ и земско-статистическія изслѣдованія за періодъ 1876—1885 годовъ, насколько эти разнородные матеріалы взаимно дополняютъ другъ друга. Изъ сопоставленныхъ имъ данныхъ мы узнаемъ, между прочимъ, что въ Черниговской губерніи во владѣніи обществъ крестьянъ и казаковъ находится 50% (2,215,494 десят.) въ частномъ владѣніи дворянскаго, купческаго и другихъ сословій 42,8% (1,893,640 десят.), во владѣніи казны 5% (около 223,108 десят.) и во владѣніи разныхъ учрежденій 2,2% земельной площади губерніи. Въ сферѣ поземельныхъ отношеній огромный интересъ представляетъ вопросъ о направленіи мобилизаціи поземельной собственности, который, въ свою очередь, расчленяется на цѣлый рядъ вопросовъ о томъ, какія сословія и классы землевладѣльцевъ за послѣднія десятилѣтія успѣли увеличить площадь своего владѣнія и какіе потерпѣли ущербъ, растетъ ли при этомъ крупная или мелкая собственность и какъ измѣняется средняя величина владѣній. Г. Русовъ въ своемъ изслѣдованіи даетъ отвѣты на эти вопросы, насколько матеріалы, собранныя по различнымъ программамъ, представляютъ сравнимыя данныя. Какъ извѣстно, въ условіяхъ свободы перехода изъ рукъ въ руки находятся земли частныхъ собственниковъ — дворянъ, купцовъ, а также земли казаковъ и крестьянъ, приобрѣтенныя ими путемъ частныхъ покупокъ и неподчиненныя условіямъ выкупной операціи. Что же касается надѣльныхъ земель крестьянскихъ и казачьихъ обществъ, то въ силу закона 14 Декабря 1893 года ихъ переходъ къ лицамъ другихъ сословій совершенно запрещенъ. По отношенію къ землямъ этой категоріи мобилизація однако имѣетъ мѣсто въ двухъ формахъ — при переходѣ по наслѣдству, которое обыкновенно связано съ дробленіемъ поземельной собственности между сонаслѣдниками и при принудительномъ отнятіи міромъ земель неисправныхъ плательщиковъ налоговъ и передачи ихъ въ руки болѣе состоятельныхъ крестьянъ. Но данныя объ этихъ переходахъ изъ рукъ въ руки

¹⁾ Описаніе Черниговской губ., Т. I, стр. 204.

надѣльныхъ земель пока не попали въ статистику и г. Русовъ въ своемъ «Описаніи Черниговской губерніи» имѣетъ возможность представить характеристику направленія мобилизаціи только для земель, находящихся въ условіяхъ свободы оборота (т. е. земель частныхъ лицъ и внѣнадѣльныхъ земель крестьянъ и казаковъ), при чемъ исходнымъ моментомъ для наблюденія мобилизаціи онъ беретъ 1877—78 годъ. По даннымъ центрального Статистическаго Комитета, въ этомъ году общее пространство всѣхъ земель этой категоріи слѣдующимъ образомъ распредѣлялось по сословіямъ и по размѣрамъ владѣнія¹⁾:

	Въ 10 и менѣе дес.		10—100 десят.		100—1,000 дес.	
	Влад.	Десят.	Влад.	Десят.	Влад.	Десят.
Дворяне	1,677	7,789	3,690	144,785	1,588	490,269
Купечество	167	512	222	7,818	112	39,568
Мѣщане	2,998	7,593	767	20,643	61	13,076
Крестьяне быв. влад. .	3,688	8,984	452	11,419	25	4,535
Крестьяне быв. госуд. .	2,307	6,361	555	14,877	27	3,960

Всего 10,837 31,239 5,686 199,542 1,813 551,408

	Болѣ 1,000 десят.		В С Е Г О	
	Влад.	Десят.	Влад.	Десят.
Дворяне	247	709,017	7,202	1,351,860
Купечество	38	98,304	539	146,202
Мѣщане	1	1,029	3,827	42,341
Крестьяне быв. влад. .	—	—	4,165	24,938
Крестьяне быв. госуд. .	1	1,044	2,890	26,242
Всего	287	809,394	18,623	1,591,583

При этомъ на 100 десят. всей земли приходилось личной собственности 41₄, мірской 51₂, казенной 5₃, прочей 1₉.

Перемѣны, происшедшія за послѣднія десятилѣтія для разныхъ категорій частныхъ владѣльцевъ, выразились въ слѣдующемъ: Съ 1858 года значительно возрасло число землевладѣльцевъ дворянъ и при этомъ сильно сократилась общая площадь принадлежащихъ имъ земель. А именно въ 1858 году было дворянъ владѣвшихъ крѣпостными людьми въ губерніи 4,445, въ 1871—1881 годахъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ и чиновниковъ (по изслѣдованію Центрального Статистическаго Комитета) 7,202, въ 1887 году—8,108 и въ 1894 году—9,266. Земли у дворянъ въ концѣ 50-хъ годовъ было 2.155,442 дес., въ 1878 году—1.351,860 дес., въ 1887 году—1.288,781 дес. и въ 1894 году у дворянъ, съ причисленіемъ къ нимъ тѣхъ чиновниковъ, какіе за послѣднее время вошли въ составъ этого сословія, оставалось земли всего 1.095,020 дес. Такимъ образомъ съ 1878 года въ теченіе 15 лѣтъ площадь дворянскихъ земель сократи-

¹⁾ Описаніе Черниговской губ., Т. I, стр. 210.

лась на 256,830 дес. или на $19,2\%$. За этот же период времени средний размер дворянского поместья сократился с 187,7 дес. до 118 десят. На ряду с ростом абсолютной цифры дворян-землевладельцев, наблюдается относительное уменьшение дворян-землевладельцев в общем составе частных собственников: в 1878 году дворяне составляли 35% , а в 1894 году только 19% всех частных собственников. Количество земли, принадлежащей дворянам в 1878 г., составляло больше $\frac{4}{3}$ величины всей частной собственности ($83,2\%$), в 1894 году только $\frac{2}{3}$ этого количества ($66,4\%$).

Вторую группу частных владельцев составляют потомственные почетные граждане, купцы, платящие гильдию, духовенство и евреи—всего в совокупности 1,675 собственников, которым принадлежит 217,636 десятин, при среднем размере владения на 1 собственника в 129,7 десят., т. е. несколько выше средней величины дворянского землевладения в губернии. На ряду с сокращением площади дворянского землевладения—площадь владения этой категории частных собственников увеличивалась. Приращение их владений за период с 1874 до 1887 года выразилось в цифре 131,458 десятин, при чем наиболее значительно возросло владение купцов (на 79,808 дес.) и евреев (на 32,436 дес.).

Наиболее значительное перемещение поземельной собственности за последние десятилетия произошло от привилегированных сословий к простонародью—казакам, крестьянам, отставным солдатам. До 1896 года этими сословиями приобретено в частную собственность (вненадельных земель) 283,206,4 десятины, что по отношению к общему количеству их надельных и потомственных земель составляет $11,7\%$ ¹⁾. Но на самом деле приращение вненадельных земель этих сословий, если считать и земли приобретенные товариществами мелких землевладельцев из простонародья, выразилось в более значительной сумме 360,526 десят.²⁾, при чем увеличение частной собственности лиц этой категории преимущественно имело место после 1878 года, а именно с этого года ими было приобретено больше 300,000 десят. Из общей массы приобретенных крестьянами и казаками вненадельных земель до 1895 г. только 48,482 десятины, или менее $\frac{1}{7}$ приобретено через посредство крестьянского банка.

Таким образом современное направление мобилизации поземельной собственности в Черниговской губ., по изследованию г. Русова, характеризуется тем, что площадь дворянского землевладения быстро уменьшается, а на счет ее сокращения растут землевладения крестьян, казаков и частных собственников других сословий, при чем по количеству десятин приращение площади землевладения первых больше

1) Описание Т. I стр. 252—253.

2) Тоже стр. 273.

чѣмъ въ два раза превосходитъ увеличеніе поземельной собственности послѣднихъ. Общее направленіе мобилизации земельной собственности наглядно представлено въ табличкѣ на стр. 274 «Описанія», которую мы и позволимъ себѣ, въ виду ея значенія, привести здѣсь.

Размѣры владѣнія	Дворяне		Купечество		Мѣщане		Крестьяне и казаки	
	1877 г.	1894 г.	1877 г.	1894 г.	1877 г.	1894 г.	1877 г.	1894 г.
Менѣ 10 десят.	1,677	3,612	167	271	2,998	7,119	5,995	20,772
10— 100 »	3,690	4,041	222	204	767	1,234	1,007	4,176
100—1000 »	1,588	1,417	112	147	61	106	52	194
Болѣе 1000 »	247	197	38	33	1	3	1	1
Всего	7,202	9,266	539	655	3,827	8,462	7,055	25,143

Приведенныя цифры показываютъ, что число владѣльцевъ изъ крестьянъ и мѣщанъ увеличилось во всѣхъ разрядахъ, изъ купцовъ только въ 1-мъ и 3-мъ разрядахъ, а у дворянъ только въ двухъ первыхъ, т. е. мелкихъ разрядахъ; число же крупныхъ дворянскихъ имѣній (3-го и 4-го разряда) уменьшилось. Изъ этой же таблицы видно, что переходъ дворянскихъ земель въ руки другихъ сословій, и преимущественно крестьянскаго, сопровождается постояннымъ дробленіемъ поземельной собственности. Это послѣднее явленіе относительно земель частнаго владѣнія видно изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ. Въ 1877 году имѣній частныхъ собственниковъ всѣхъ сословій было 20,613, а въ 1894 году уже 49,011. По размѣрамъ они раздѣлялись такъ:

	Въ 1877 г.	Въ 1894 г.
Въ 10 и менѣ десятинъ	12,076	35,732
Отъ 10— 100 десят.	6,397	11,003
» 100—1000 »	1,852	2,025
Болѣе 1000 »	288	251
	20,613	49,011

Авторъ «Описанія Черниговской губерніи», сравнивая данныя о распределеніи поземельной собственности за послѣднее столѣтіе съ данными Румянцевской описи 1765—68 года, находитъ возможнымъ отмѣтить еще и третью характерную черту въ направленіи мобилизации поземельной собственности—это тенденцію къ уравниенію размѣровъ землевладѣнія въ хозяйствахъ у крестьянъ и казаковъ. Въ прошломъ столѣтіи, и среди казаковъ, и среди крестьянъ, по словамъ г. Русова, число безземельныхъ, малоземельныхъ и многоземельныхъ хозяйствъ было гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. Теперь же относительное число хозяйствъ съ средними размѣрами стало больше. Такъ безземельныхъ и владѣвшихъ менѣ 1 десятины земли, т. е. однимъ огородомъ, въ прошломъ столѣтіи было у этихъ сословій въ Кролевецкомъ уѣздѣ—28,1% всѣхъ хозяевъ, а въ Городнянскомъ даже 37,8%, теперь же въ первомъ уѣздѣ ихъ уменьшилось до 8,8%, а во второмъ до 7,2%, а число многоземельныхъ имѣю-

щих болѣе 15 десят. до 500 десят. тогда было 26,8% и 24,2%, теперь же стало только 8,7% и 13,5%. Въ Суражскомъ уѣздѣ безземельныхъ и огородниковъ въ прошломъ столѣтіи было 32,3%, а теперь только 8,5%¹⁾».

О напряженности мобилизаціи поземельной собственности за послѣднее время можно судить на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ нотаціальныхъ архивовъ Черниговской губерніи за время съ 1874 до 1887 г., изъ которыхъ видно, что за этотъ 14-лѣтній періодъ перешло изъ владѣній однихъ сословій въ руки другихъ всего 1.252,457 десятинъ земли, или почти $\frac{1}{4}$ всей земельной площади губерній перемѣнила своихъ владѣльцевъ, при чемъ въ среднемъ ежегодно 89,461 десят. (1,88% территории) переходило изъ рукъ въ руки²⁾.

Мобилизація поземельной собственности въ Черниговской, какъ и въ другихъ губерніяхъ, обставлена прямыми преградами въ законѣ для «мірскихъ» и «надѣльныхъ земель», но тамъ гдѣ она не встрѣчаетъ прямыхъ ограниченій, т. е. по отношенію къ землямъ частныхъ собственниковъ всѣхъ сословій, какъ показываетъ г. Русовъ, наблюдается рѣзко выраженная тенденція къ демократизаціи поземельной собственности, выражающаяся въ томъ, что собственность дробится, и распределяется равномѣрнѣе, при постоянномъ уменьшеніи числа крупныхъ имѣній и, наконецъ, въ томъ, что земля большею частью переходитъ къ мелкимъ землевладѣльцамъ, которые обрабатываютъ ее своими руками. Будетъ ли мобилизація земель и дальше совершаться въ томъ же направленіи, объ этомъ трудно судить, но одно только можно сказать съ достовѣрностью, что главный факторъ мобилизаціи земель—задолженность частного землевладѣнія всѣхъ сословій непрестанно растетъ. Сравнительно съ 1858 годомъ въ 1895 году долгъ частного землевладѣнія увеличился въ два съ лишкомъ раза, съ 8.544,000 до 20 милліон. рублей; заложенные земли въ 1885 году составляли 24,5% всей площади частного землевладѣнія, а въ 1895 году 36,7%, а задолженность 1 десятины заложенной земли за время съ 1885 до 1895 г. возросла съ 23% до 43% ея стоимости³⁾.

Не смотря, однако, на благопріятное для мелкихъ собственниковъ крестьянъ и казаковъ направленіе мобилизаціи поземельной собственности, обуславливающее увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія въ губерніи, абсолютное количество земель, которыми вообще владѣютъ крестьяне, крайне недостаточно для того, чтобы занять ихъ трудъ въ теченіе всего года. Исслѣдователя поражаетъ незначительность средней величины земельного надѣла, составляющаго менѣе 2 десят. на 1 душу, при чемъ число собственниковъ, имѣющихъ на 1 душу менѣе 1 десят.,

1) Описаніе Черниговской губ. Т. I стр. 255.

2) Описаніе Т. I стр. 275.

3) Описаніе Т. I стр. 282.

составляет 44%, а всѣхъ имѣющихъ на 1 душу менѣе 2 десят. 89% всего числа землевладѣльцевъ изъ среды сельскихъ обществъ.

Очевидно, что прикупка земель крестьянами, въ общей суммѣ достигшая со времени освобожденія 360 тысячъ десят., не въ состояніи восполнить недостатокъ земель и этою крайнею нуждою въ землѣ объясняется огромная эмиграція Черниговскихъ крестьянъ въ Уссурийскій край, на Амуръ и въ западную Сибирь, которая за послѣдніе годы постоянно увеличивается.

Изслѣдованіе распредѣленія поземельной собственности показало намъ, что 42,8% всей территоріи Черниговской губерніи принадлежитъ крестьянамъ собственникамъ и казакамъ, а 50,1% частнымъ собственникамъ привилегированныхъ сословій. Послѣдніе преимущественно являются крупными землевладѣльцами, а первые принадлежатъ къ категоріи мелкихъ собственниковъ землевладѣльцевъ. Само собою разумѣется, что на сторонѣ крупныхъ собственниковъ имѣются важныя преимущества для рациональнаго веденія хозяйства: интеллигентность, большій достатокъ необходимаго для веденія хозяйства капитала, возможность пользоваться кредитомъ, какъ въ дворянскомъ, такъ и въ частныхъ банкахъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представители мелкаго землевладѣнія уступаютъ крупнымъ собственникамъ, они несравненно слабѣе вооружены для удовлетворительнаго веденія хозяйства, имѣя на своей сторонѣ одно лишь преимущество обезпеченія до избытка необходимыми рабочими силами, такъ какъ они сами трудомъ своей земли обрабатываютъ землю. Ближайшее знакомство съ положеніемъ сельскаго хозяйства Черниговской губерніи, въ изображеніи г. Русова, однако показываетъ, что всѣ преимущества крупнаго землевладѣнія для рациональнаго веденія сельскаго хозяйства, какія а priori можно представить себѣ, на дѣлѣ не оставили почти никакого слѣда въ земледѣліи, которое, по характерному выраженію автора, до сихъ поръ ведется въ духѣ крестьянской агрономіи и отличается отсталостію, необычайною даже для этой полосы Россіи, сравнительно съ сосѣдними губерніями Полтавской, Могилевской, Орловской. Этотъ съ перваго раза поразительный фактъ, показывающій, что крупные интеллигентные землевладѣльцы вовсе не выполнили своей миссіи, усвоенной этой формѣ землевладѣнія въ учебникахъ сельскохозяйственной экономіи, объясняется просто тѣмъ, что крупные собственники въ Черниговской губерніи очень рѣдко сами ведутъ хозяйство на своихъ земляхъ, уступая ихъ для обработки по системѣ мелкой культуры—крестьянамъ и казакамъ. Оказывается, что въ періодъ описанія уѣздовъ 1876—1883 года только нѣкоторые крупные землевладѣльцы (если подъ крупными считать имѣющихъ болѣе 100 десятинъ) вели полевое хозяйство на всѣхъ своихъ земляхъ, при помощи собственной запашки и своихъ постоянныхъ рабочихъ; большинство же, если и держало рабочихъ, то лишь для обработки части своихъ полей, остальную часть отдавали въ аренду или «исполу» и «съ копы» малоземельнымъ

31842

крестьянамъ и казакамъ, которые, воздѣлывая эти земли вмѣстѣ съ своими собственными, увеличивали тѣмъ площадь полей, обрабатываемыхъ по системѣ мелкаго хозяйства. Такъ напримѣръ въ 8-ми уѣздахъ въ періодъ 1876—1883 годовъ изъ 1095 крупныхъ имѣній въ 574-хъ, т. е. болѣе чѣмъ половинѣ вовсе не было своей запашки, а въ 195 при помощи наемнаго труда запахивалась самая незначительная часть полей отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$, болѣе половины своихъ земель такимъ же образомъ обрабатывались только въ 164-хъ имѣніяхъ¹⁾. Изъ общей массы земель крупныхъ собственниковъ, на которыхъ ими не велось своей запашки, сравнительно небольшая доля въ 184,204 десятинъ сдавалась въ долгосрочную аренду, гораздо большее пространство сдавалось въ погодную аренду. При этомъ сдача полей въ денежную аренду очень рѣдко практикуется. По старинному обычаю земля въ Черниговской губерніи сдается изъ части урожая, при этомъ арендаторъ обязывается, сверхъ опредѣленной доли урожая, нести еще разнаго рода отработки, или же дѣлать извѣстной величины доплаты отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп. съ десятины. Изъ 1,215 описательныхъ единицъ или дачъ, на какія была при описаніи раздѣлена губернія, въ 984 изъ нихъ оказался болѣе или менѣе распространеннымъ этотъ видъ «скопщины» или «спольщины». Доля урожая, уплачиваемая при скопщинѣ землевладѣльцу, колеблется, смотря по мѣстности, отъ $\frac{4}{7}$ до $\frac{1}{3}$ урожая, за вычетомъ сѣмянъ.

Итакъ мы имѣемъ безспорно установленный тотъ фактъ, что большая часть земель крупныхъ собственниковъ поступаетъ въ обработку къ крестьянамъ и что хозяйство не только на земляхъ мелкихъ собственниковъ, но и на земляхъ крупныхъ собственниковъ ведется крестьянами по системѣ мелкой культуры. Отсюда естественный выводъ, что въ Черниговской губерніи земледѣльческое хозяйство ведется посредствомъ крестьянскаго несовершеннаго инвентаря, съ тѣми отсталыми приемами культуры, какія обычно примѣняются казаками и крестьянами. Ихъ орудія обработки почвы—это традиционная одноконная соха, пароконная малороссійская соха или литовка и все тотъ же деревянный малороссійскій плугъ, примѣняемый впрочемъ на ограниченной территоріи черноземныхъ земель, требующій упряжки не менѣе двухъ паръ воловъ или лошадей. При этихъ орудіяхъ глубина вспашки колеблется отъ 1 до $2\frac{1}{2}$ вершковъ сохою, при ширинѣ пласта въ 4—5 вершковъ, а плугомъ при $3—3\frac{1}{2}$ вершкахъ глубины и 6—8 вершкахъ ширины пласта. О косности въ приемахъ обработки почвы краснорѣчиво свидѣтельствуетъ фактъ, что они остались тѣми же, какіе практиковались по свидѣтельству Шафонскаго, составившаго въ 1786 г. описаніе Черниговскаго намѣстничества, въ его время съ тою разницею, говорить г. Русовъ, что, хотя орудія обработки и запряжки до настоящаго времени остались тѣ же, что

¹⁾ Описаніе Черниговской губ. Т. I стр. 343.

и были 110 лѣтъ тому назадъ, но глубина паханія измѣнилась не въ пользу новаго времени. Такъ по свидѣтельству этого автора въ его время плугомъ пахали на 6—8 вершковъ, а сохою на 4—5 вершковъ. Въ настоящее время плугомъ пахутъ на 8 вершковъ только на свекловичныхъ плантаціяхъ крупныхъ экономій, а сохою на 4—5 вершковъ нигдѣ не пахутъ.

Вѣрнымъ показателемъ отсталости земледѣльской культуры служить урожайность хлѣбовъ, которая по среднимъ выводамъ за десятилѣтіе 1883—1893 г. составляетъ для ржи 3,8 четвертей, овса 5,6 четвертей, гречи 2,4 четвер. на дес. По вѣсу хлѣбовъ урожайность ихъ выражается въ уѣздахъ средней урожайности для ржи въ 27—37 пуд., для овса 27—36 пуд. и гречи 13—16 пуд. на десятину.

Всѣ черты отсталости, кромѣ земледѣлія, наблюдаются и въ другой важной отрасли сельскаго хозяйства—въ скотоводствѣ. Мѣстная крестьянская лошадь отличается крайней низкорослостью и слабостью. Поголовное измѣреніе роста лошадей при конской переписи, произведенной въ 1882 г., показало, что на 100 головъ 87,3 по росту ниже 1 аршина 14 верш. Рогатый скотъ слабый и выродившійся. Волы доморослые по росту и вѣсу едва превосходятъ коровъ. Молочный скотъ также низкопробный. По отношенію къ скотоводству, какъ и относительно земледѣлія въ Черниговской губерніи, наблюдается тотъ же фактъ, что оно почти цѣликомъ находится въ рукахъ представителей мелкой собственности и мелкихъ хозяйствъ, т. е. крестьянъ и казаковъ, какъ показываютъ слѣдующія цифры. По свѣдѣніямъ конской переписи 1882 года оказывалось, что изъ общаго числа 590,483 лошадей въ губерніи сельскимъ обществамъ принадлежало 544,148, частнымъ землевладѣльцамъ 34,439 и горожанамъ 11,886¹⁾. А изъ 615,534 штукъ рогатаго скота (считая въ томъ числѣ быковъ, воловъ, коровъ и молоднякъ), застрахованнаго въ обязательномъ и добровольномъ страхованіи въ 1886 году²⁾, принадлежало сельскимъ обществамъ 509,388 головъ или 82,7%,—частнымъ землевладѣльцамъ 83,100 штукъ или 13,3% и горожанамъ 23,046 или 4%. Разъ скотоводство находится преимущественно въ рукахъ крестьянъ и казаковъ, то отмѣченная выше его отсталость зависитъ отъ общихъ неудовлетворительныхъ условій крестьянскаго хозяйства, среди которыхъ первенствующее значеніе имѣютъ малоземелье, недостатокъ кормовой площади, пастбищъ и сѣнокосовъ, при общемъ низкомъ уровнѣ земледѣльской культуры. Достаточно указать, что сельскимъ обществамъ на пространствѣ $\frac{3}{5}$ принадлежащей имъ территоріи губерніи приходится содержать въ шесть разъ больше скота, сравнительно съ крупными землевладѣльцами, которые, при 13% принадлежащаго имъ крупнаго скота, владѣютъ $\frac{2}{5}$ площади губерній. Вообще роль крупныхъ собственниковъ

¹⁾ См. Описаніе Т. I, стр. 407.

²⁾ Общее же количество всего рогатаго скота въ губерніи 784,783 штуки.

въ дѣлѣ усовершенствованія земледѣлія такъ же незамѣтна, какъ и въ дѣлѣ земледѣльческихъ улучшеній. Крупныхъ экономій съ правильною постановкою скотоводства почти нѣтъ. Въ 1882 году перепись обнаружила только 64 организованныхъ конскихъ завода, въ которыхъ содержалось 813 упряжныхъ и частью рабочихъ лошадей.

Общее состояніе скотоводства за послѣднія десятилѣтія характеризуется тѣмъ, что абсолютное количество всѣхъ видовъ скота увеличивается, но въ меньшей прогрессіи, чѣмъ число жителей. Такъ въ 1861 г. на 1.465,000 жителей приходилось 1.999,000 скота разныхъ породъ, т. е. по 136 головъ на 100 душъ жителей, въ 1896 году оказывается на 2.354,000 жителей только 2.440,000 головъ разнаго скота, т. е. только по 107 головъ на 100 жителей. При этомъ наблюдается, на ряду съ абсолютнымъ увеличеніемъ всѣхъ видовъ скота, за исключеніемъ козъ и тонкорунныхъ овецъ, болѣе значительное увеличеніе количества лошадей сравнительно съ числомъ воловъ и болѣе значительный ростъ крупнаго скота сравнительно съ мелкимъ. А именно всего крупнаго скота (лошадей и воловъ) въ 1861 году было 805,500, а мелкаго (овецъ, козъ и свиней) 1.194,500, т. е. на каждыя 100 головъ крупнаго скота приходилось тогда 148 мелкаго. Въ 1896 году считалось уже 1.101,400 головъ крупнаго скота и 1.359,400 мелкаго, т. е. на 100 головъ, крупнаго скота было уже 122 мелкаго. Такое увеличеніе относительно количества крупнаго скота авторъ «Описанія» ставитъ въ связь съ стремленіемъ послѣ реформы 1861 года къ большей распашкѣ земель и слѣдовательно къ уменьшенію самостоятельнаго значенія скотоводства.

Въ предшествующемъ изложеніи нами довольно подробно передано содержаніе основныхъ фактовъ и явленій, анализированныхъ авторомъ въ его изслѣдованіи о землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ, составляющемъ самую существенную часть «Описанія Черниговской губерніи». Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ результатовъ этого изслѣдованія мы считаемъ выводы автора о направленіи мобилизаціи поземельной собственности, съ явно выраженною благопріятною тенденціею ея для мелкаго землевладѣнія крестьянскаго класса, на ряду съ сокращеніемъ площади крупнаго землевладѣнія дворянскаго сословія и увеличенія земель разночинцевъ. Эта тенденція мобилизаціи земель къ мелкимъ собственникамъ, обрабатывающимъ землю трудомъ своей семьи, отмѣчена была западно-европейскими экономистами для Франціи—Фовилемъ (Al. Foville), Сушономъ (Souchon) и Даніелемъ Золя, для Германіи и частью Австріи—Гольцемъ (von der Holz, Agrarische Vorlesungen) и Герццомъ (Hertz. Die Agrarische Frage im Verhältniss zum Socialismus mit Vorrede v. Bernstein 1899). На это же явленіе мнѣ приходилось указывать въ 1899 г. въ своемъ сочиненіи о сельскохозяйственномъ кризисѣ во Франціи, гдѣ, вслѣдствіе свободы поземельнаго оборота, оно выражено гораздо рѣзче. Сгруппированные г. Русовымъ цифры и факты, указывающіе на приращеніе земель мелкихъ соб-

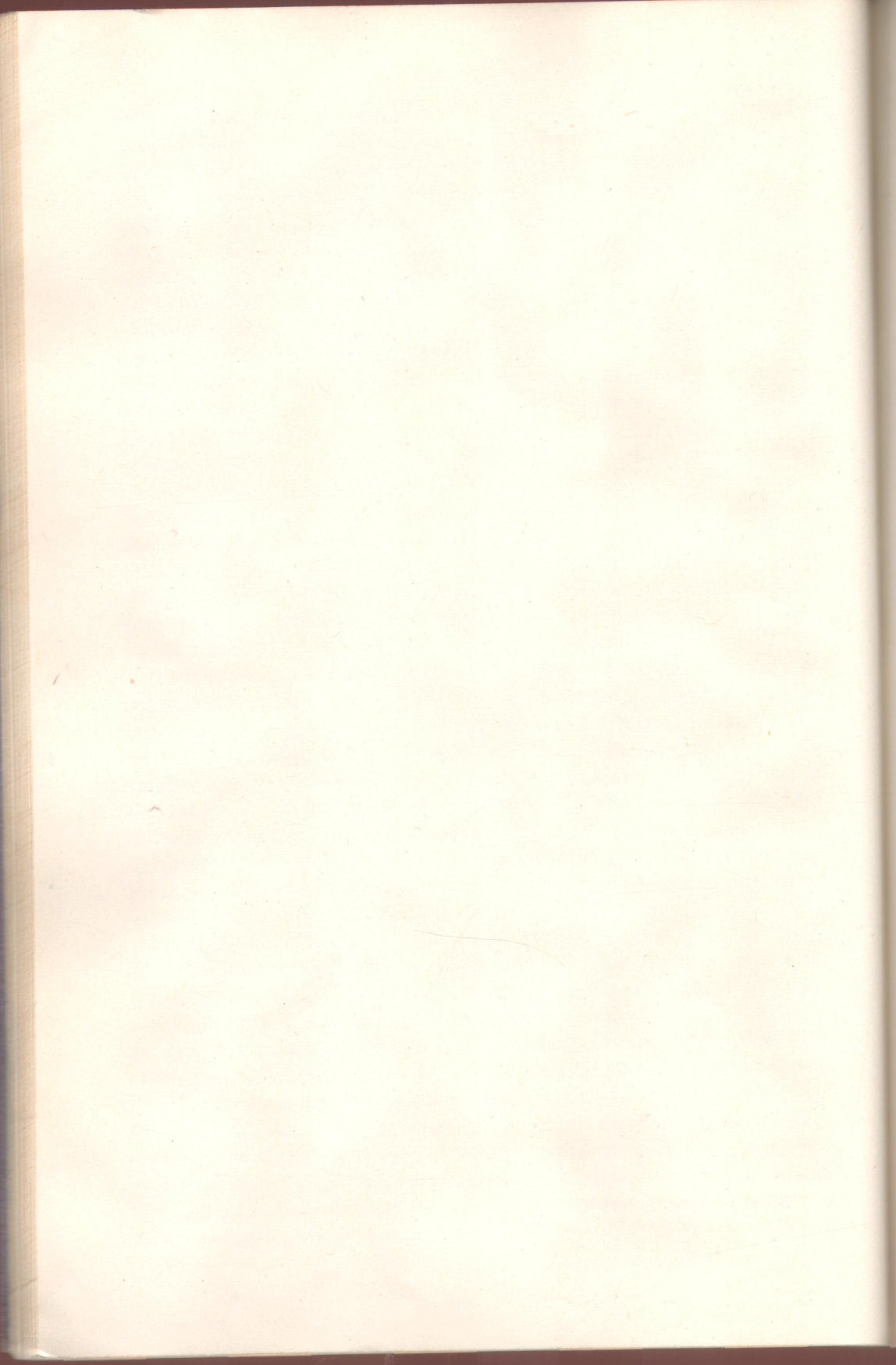
ственниковъ на счетъ крупной собственности, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для ихъ пріобрѣтенія крестьянами, получаютъ особое значеніе потому, что авторъ подошелъ къ вопросу о мобилизаціи земельной собственности безъ всякаго предубѣжденія въ ту или другую сторону, такъ какъ, повидимому, онъ вовсе не былъ заинтересованъ теоретическою стороною вопроса о конкуренціи крупныхъ формъ хозяйства съ мелкими въ земледѣліи. Другой важный фактъ, рельефно выступающій въ изслѣдованіи г. Русова, относится къ характеристикѣ современнаго положенія сельскаго хозяйства изслѣдуемаго имъ района и заключается въ томъ, что въ Черниговской губерніи почти все земледѣліе ведется по системѣ мелкой культуры и, какъ въ мелкихъ, такъ и крупныхъ имѣніяхъ, находится въ рукахъ крестьянскаго класса, который является хозяиномъ и на помѣщичьихъ земляхъ, то арендуя ихъ, то снимая ихъ «исполну», за обработки и т. п. Сильное стремленіе крестьянъ къ «землеобству» выражается также въ томъ, что крестьяне, не имѣющіе своего скота, стараются отдать свой трудъ земледѣлію при помощи «супруги» и найма рабочаго скота. Только полная невозможность заняться обработкою земли по неимѣнію инвентаря заставляеть ихъ отказаться отъ этого дѣла и, въ крайнемъ случаѣ, вызываетъ ихъ переселеніе въ чужіе края. Если вообще земледѣліе въ Черниговской губерніи, какъ это было показано выше, отличается отсталостію, то это объясняется тѣмъ, что оно, по выраженію автора, ведется въ духѣ народной агрономіи, архаическими пріемами, свойственными крестьянскому хозяйству, при крайне недостаточномъ инвентарѣ и плохихъ орудіяхъ обработки. Этотъ характерный фактъ, указывающій на исключительную роль крестьянства въ сельскомъ хозяйствѣ Черниговской губерніи, даетъ важное показаніе для экономической политики въ области сельскаго хозяйства. Очевидно, что главнымъ средствомъ для поднятія послѣдняго должны быть мѣры улучшенія сельскохозяйственнаго инвентаря въ крестьянскомъ поселеніи, такъ какъ они принесутъ благотворные результаты не только по обработкѣ крестьянскихъ земель, но и должны отразиться серіозными улучшеніями культуры земель крупныхъ собственниковъ, находящихся въ обработкѣ у крестьянъ.

Выводы, выступающіе въ изслѣдованіи г. Русова, пріобрѣтаютъ особенное значеніе, потому что они установлены авторомъ на основаніи тщательнаго анализа фактовъ и цифръ, съ соблюденіемъ крайней осторожности въ суммированіи данныхъ и въ заключеніяхъ. Г. Русовъ, можно сказать, на каждой страницѣ своего изслѣдованія является статистикомъ *par excellence*, который рѣшается на тотъ или другой выводъ только послѣ сложнаго процесса опѣнки имѣющихся данныхъ и которому постоянно кажется, что имѣющихся у него фактовъ и цифръ все еще недостаточно и ихъ могло бы быть больше; но за то тамъ, гдѣ имѣются опредѣленные и точныя данныя, онъ съ особеннымъ увлеченіемъ подвергаетъ ихъ всѣмъ возможнымъ статистическимъ комбинаціямъ (см. напр. главу о

землевладѣнн т. I, стр. 199—279). Поэтому объ его изслѣдованіи можно сказать, что по своимъ методамъ и строгости анализа оно во многихъ мѣстахъ стоитъ гораздо выше качества матеріаловъ, надъ которыми авторъ работалъ. Отмѣченные нами достоинства изслѣдованія г. Русова о землевладѣнн и сельскомъ хозяйствѣ Черниговской губерніи, заключающіеся въ обширности литературы, использованной авторомъ, въ точности методовъ и осторожности въ выводахъ, имѣющихъ при томъ научный интересъ новизны и важныхъ въ практическомъ отношеніи,—давали бы ему полное право на полученіе преміи (согласно § 5 положенія о преміяхъ Александра II-го). Но на ряду съ землевладѣніемъ и сельскимъ хозяйствомъ, составляющимъ существенную часть «Описанія Черниговской губерніи», авторомъ обстоятельно представлены и многія другія стороны быта населенія губерніи, а также физическія и географическія условія изслѣдуемаго раіона, для изученія которыхъ одни матеріалы, заключающіеся въ земской статистикѣ, были бы далеко не достаточны, если бы авторъ не пополнялъ ихъ изученіемъ общихъ сочиненій по естествознанію, физической географіи Россіи и т. п. насколько они касаются Черниговской губерніи. Не имѣя надобности для нашей цѣли представлять здѣсь обзоръ всѣхъ отдѣловъ «Описанія», мы отмѣтимъ содержаніе только важнѣйшихъ изъ нихъ, относящихся къ культурнымъ условіямъ жизни населенія. Въ главѣ о народномъ образованіи (Т. II, стр. 66—146) имъ сдѣланъ, на основаніи земской статистики, подробный обзоръ состоянія помѣщеній народныхъ школъ, размѣровъ и удобствъ, представляемыхъ школьными усадьбами, внутренней обстановки школъ, квартиръ учителей, количества учащихся по сословіямъ, возрастамъ и поламъ. Изъ этого обзора оказывается между прочимъ, что 91% всѣхъ учащихся въ народныхъ школахъ состоитъ въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ, а число дѣтей школьнаго возраста составляетъ 8% населенія, причемъ изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обучалось въ существующихъ школахъ только 30%. Авторомъ сдѣланъ также чрезвычайно интересный обзоръ образовательнаго ценза народныхъ учителей и учительницъ, продолжительности ихъ службы, нормъ вознагражденія и расходовъ Черниговскаго земства на народное образованіе. Большими достоинствами также отличается глава «о платежахъ» (Т. II, стр. 320—377), въ которой по схемѣ профессора Н. П. Яенпольскаго, представлено распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ, а затѣмъ изложена система земскаго и мірскаго обложенія въ губерніи. Въ главѣ о населеніи (Т. II, стр. 1—65) образцово обработана статистика населенія по схемамъ, усвоеннымъ современной популяціонистикой.

Въ виду отмѣченныхъ выше достоинствъ «Описанія Черниговской губерніи», сдѣланнаго г. Русовымъ, я считаю этотъ трудъ заслуживающимъ самой высшей преміи, какую комитетъ, по имѣющимся у него средствамъ, можетъ назначить.

В. Левитскій.



Г. Н. ШМЕЛЕВЪ.

Нѣсколько замѣчаній объ однодворцахъ.

(Разборъ изслѣдованія Н. А. Благовѣщенскаго „Четвертное право“).

Главное содержаніе работы г. Благовѣщенскаго „Четвертное право“—землевладѣніе однодворцевъ. Два обстоятельства, два пробѣла побудили автора заняться разработкой этой любопытной темы: во-первыхъ, пробѣлъ въ русскомъ законодательствѣ, въ которомъ нѣтъ опредѣленія четвертнаго права; во-вторыхъ, пробѣлъ въ русской литературѣ по крестьянскому землевладѣнію: «изученіе формъ крестьянскаго землевладѣнія, говоритъ нашъ авторъ, за послѣднія два десятилѣтія подвинулось очень далеко: всѣ главнѣйшія формы, повидимому, изучены до мельчайшихъ подробностей—осталось неизслѣдованнымъ только четвертное право однодворцевъ». Эти-то два пробѣла г. Благовѣщенскій и надѣется пополнить своимъ изслѣдованіемъ; онъ имѣетъ въ виду «выяснить, въ чемъ собственно заключается неписанное четвертное право»; это нужно выяснить «исторически точно», т. е. необходимо заняться исторіей однодворцевъ (см. пред. рр. VII—VIII), что и дѣлаетъ авторъ въ первой, собственно исторической, половинѣ свои труда (главы I—V и VII).

По мнѣнію г. Благовѣщенскаго, на четвертномъ землевладѣніи оставили свой слѣдъ: 1) помѣстная система, 2) учрежденіе подушной подати при Петрѣ I и 3) генеральное межеваніе при Екатеринѣ II (р. 1). Вотъ почему въ 1-ой главѣ своей работы (рр. 1—28) онъ характеризуетъ помѣстную систему Московскаго государства въ XVII в., а во 2-й (рр. 28—84) довольно подробно останавливается на формахъ землевладѣнія у тѣхъ служилыхъ людей, которые превратились въ послѣдствіи въ однодворцевъ. 3-я глава (рр. 87—107) посвящена выясненію влияния на однодворцевъ подушной подати и другихъ мѣропріятій Петра Великаго, а въ 4-ой (рр. 108—131) авторъ, слегка коснувшись исторіи русскаго землеизмѣренія, разбираетъ тѣ части межевой инструкціи 1766 г., которыя имѣютъ отношеніе къ однодворцамъ; наконецъ, въ 5-ой главѣ (рр. 132—148) мы находимъ краткую исторію однодворцевъ въ XIX стол. Вопросу о вторженіи въ среду однодворцевъ постороннихъ элементовъ г. Благовѣщенскій счелъ нужнымъ отвести особенную главу (7-ю, рр. 237—266).

Вторая половина интересующаго насъ изслѣдованія состоитъ, подобно первой, изъ 6 главъ (главы VI и VIII—XII) и заключаетъ въ себѣ очень подробное, детальное описаніе современнаго положенія однодворцевъ въ трехъ губерніяхъ—Тамбовской, Орловской и Курской.

Таковъ общій планъ книги г. Благовѣщенскаго. Если всмотрѣться въ него, то легко замѣтить, что ему недостаетъ стройности. Мы уже знаемъ, что въ пяти первыхъ главахъ излагается исторія однодворцевъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ XVII стол. и вплоть до нашего времени; но затѣмъ порядокъ нарушается. Та глава, въ которой авторъ говоритъ о постепенномъ вторженіи въ однодворческую среду чуждыхъ элементовъ, почему-то помѣщена *послѣ* главы, заключающей въ себѣ подробнѣйшее описаніе современныхъ однодворческихъ поселеній въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губерніи. Эта послѣдняя глава тоже не на мѣстѣ: она должна находиться среди главъ, описывающихъ современное положеніе однодворцевъ Курской губерніи (главы X—XII). Кромѣ того для меня неясно, почему авторъ начинаетъ свое описаніе современныхъ однодворческихъ поселеній съ Тамбовской губерніи, потомъ переходитъ къ Орловской и Курской. «Свое изложеніе мы начнемъ, говорить г. Благовѣщенскій, съ сѣверо-востока на юго-западъ и на юго-востокъ» (р. 267). Въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы начать съ Симбирской губерніи и затѣмъ перейти къ Пензенской ¹⁾. Сверхъ того, совершенно непонятно, почему нужно начинать именно съ сѣверо-востока, а не съ сѣвера—съ Рязанской губерніи, напр.? Очевидно, у автора не было на этотъ счетъ никакого опредѣленнаго основанія—и онъ безъ всякаго плана размѣстилъ губерніи, въ томъ случайномъ порядкѣ, въ какомъ изучалъ ихъ; а между тѣмъ сначала нужно было изучить *все* губерніи съ однодворческими поселеніями и потомъ уже подыскать разумное основаніе для ихъ распредѣленія.

Итакъ, въ работѣ г. Благовѣщенскаго мы не видимъ логическаго порядка, выдержаннаго плана. Отеутствіе въ работѣ строгаго обдуманнаго плана, стройности является вѣрнымъ признакомъ того, что работа недостаточно продумана; такую работу можно уподобить недозрѣлому плоду, преждевременно сорванному съ дерева.

1. Къ вопросу о происхожденіи однодворцевъ.

Въ изслѣдованіи, посвященномъ однодворческому землевладѣнію и построенному при томъ на исторической основѣ, было-бы вполнѣ есте-

¹⁾ Нужно замѣтить, что г. Благовѣщенскій общается въ слѣдующихъ томахъ своего труда разсмотрѣть однодворческія поселенія еще въ 8 губерніяхъ: Калужской, Тульской, Рязанской, Симбирской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Воронежской (см. р. 537).

ственно найти свѣдѣнія о происхожденіи однодворцевъ, свѣдѣнія о томъ, изъ какихъ элементовъ и какъ сложился этотъ разрядъ населенія. Но мы не находимъ такихъ свѣдѣній въ книгѣ г. Благовѣщенскаго: онъ довольствуется небольшимъ количествомъ бѣглыхъ и сбивчивыхъ замѣчаній. Разсмотримъ эти замѣчанія.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самомъ названіи «однодворецъ».

На стр. 27 нашъ авторъ справедливо говоритъ, что однодворцемъ въ XVII стол. назывался помѣщикъ, который самъ, собственными руками обрабатывалъ свой земельный участокъ. Точнѣе было-бы сказать, что однодворцемъ въ XVII стол. называли помѣщика, за которымъ не было ни крестьянъ, ни бобылей. Такое опредѣленіе подтверждается документами: напр., въ Елецкой переписной книгѣ 1646 г. мы читаемъ: «да въ томъ-же селѣ (Ильинскомъ—Дубовое тожъ) живутъ дѣти боярскіе *однодворцы, а крестьянъ и бобылей за ними нѣтъ*»¹⁾. Помѣщикъ, не имѣвшій крестьянъ и бобылей, потому и назывался однодворцемъ, что на его землѣ былъ *одинъ только дворъ*, въ которомъ жилъ онъ самъ вмѣстѣ со своей семьей. Объясненіе это находитъ опору въ документахъ XVII в.: въ Бѣлгородской переписной книгѣ 1678 г. про помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ не было крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, говорится, что они *«живутъ однодворками»*²⁾.

Итакъ, для насъ совершенно ясно, какія лица назывались въ XVII в. однодворцами и почему они такъ назывались. Но г. Благовѣщенскій затемняетъ эту ясность праздными соображеніями о томъ, какъ сложилось *официальное* названіе однодворцевъ. Онъ приводитъ 21 ст. изъ разбора ратныхъ людей Сѣвскаго полка: «а которые служилые люди полковыя и городовыя службы послѣ разбору 188 года, не хотя быть въ полкѣхъ и въ городской службѣ, межъ себя раздѣлились и нынѣ живутъ въ разныхъ домѣхъ и называются одинокими, чтобъ имъ тѣмъ отъ службы отбыть, и такихъ сыскивая списывать ихъ вмѣстѣ, и быть имъ въ службѣ, кто въ какую пригодится»³⁾. «Здѣсь впервые, говоритъ нашъ авторъ, официально сопоставляются такія понятія, изъ коихъ впослѣдствіи выработалось официальное названіе цѣлаго сословія однодворцевъ; въ указѣ же 1698 года эти намеки выразились еще яснѣй: велѣно было послать сыщиковъ въ города Бѣлгородскаго полка для записки укрывающихся, «которые въ службу поспѣли, и недорослей и въ малыхъ лѣтѣхъ, которые въ однихъ дворахъ съ ними живутъ». Не малое значеніе для установленія этого понятія, продолжаетъ г. Благовѣщенскій, имѣли и пере-

¹⁾ А. М. Ю. Елецкая переп. кн., № 135, л. 134.

²⁾ И. Н. Миклашевскій. «Къ исторіи хозяйств. быта Москов. гос.» Ч. I, р. 206, прим. 1.

³⁾ П. С. З., II. № 1148.

писныя книги, по коимъ собирались всякія подати со двора: въ нихъ раньше чѣмъ гдѣ-нибудь попадаетъ слово «однодворецъ»... (р. 27). Мнѣ кажется, переписныя книги не имѣли ровно никакого значенія для установленія понятія «однодворецъ», тѣмъ болѣе, что не въ нихъ, насколько мнѣ извѣстно, а въ писцовыхъ книгахъ нач. XVII стол. въ первый разъ попадаетъ слово «однодворецъ»¹⁾. Это слово, это названіе бытового происхожденія. Когда на южной окраинѣ Московскаго государства появились помѣщики безъ крестьянъ и бобылей, помѣщики-земледѣльцы, они стали называться въ житейскомъ обиходѣ однодворцами въ отличіе отъ тѣхъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ жили крестьяне и бобыли. Уже въ нач. XVII в. это слово проникло въ официальные документы; но оно не сразу упрочивается здѣсь, а лишь постепенно пріобрѣтаетъ себѣ права гражданства; окончательно вошло оно въ официальный языкъ, кажется, въ 70-хъ годахъ XVII стол.

Переходимъ теперь къ вопросу о томъ, изъ какихъ элементовъ сложились однодворцы. Это, на мой взглядъ, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ въ исторіи однодворцевъ. Къ сожалѣнію, г. Благовѣщенскій вмѣсто того, чтобы болѣе или менѣе основательно разработать этотъ вопросъ, ограничивается нѣсколькими поверхностными замѣчаніями.

Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что «среди испомѣщаемыхъ на Украинѣ, рядомъ съ родовитыми дѣтьми боярскими и городовыми дворянами, мы найдемъ и крестьянскій элементъ» (р. 9); а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «и вотъ, получивъ возможность заниматься мирнымъ трудомъ, прежнихъ службъ служилые люди и въ особенности дѣти боярскія становятся земледѣльческимъ классомъ. Изъ нихъ-то главнымъ образомъ (т. е. изъ дѣтей боярскихъ) составилось то сословіе, которое въ XVIII вѣкѣ получило названіе «однодворцевъ» (р. 83). Итакъ, г. Благовѣщенскій думаетъ, что масса однодворцевъ имѣетъ болѣе или менѣе однородный составъ: ее образовали преимущественно дѣти боярскія; и замѣтьте, что онъ ничѣмъ этого не доказываетъ.

Но почему-же одни дѣти боярскія превратились въ однодворцевъ, а другіе сдѣлались дворянами? По мнѣнію нашего автора, главная причина этого—«экономическая захудалость» первыхъ (р. 89). Впрочемъ, онъ указываетъ и другія причины этого превращенія. По поводу «страшнаго чванства своимъ происхожденіемъ», наблюдаемаго у однодворцевъ сѣверныхъ уѣздовъ Курской губерніи, онъ не безъ ехидства замѣчаетъ: «многіе изъ нихъ (т. е. изъ этихъ однодворцевъ) были дворяне и притомъ истинно-родовитые, но вѣдь и они попали въ подушный окладъ за неумѣнье служить, за лѣнь, неспособность, малоразвитость, и прочія подобныя качества» (р. 155).

¹⁾ См., напр., въ А. М. Ю. дозорную книгу Оскольского у. 1617 г., № 342 Ср. ор. cit. И. Н. Миклашевскаго, р. III.

Такимъ образомъ, г. Благовѣщенскій, какъ-бы забывъ объ «экономической захудалости», выдвигаетъ на первый планъ моральные недостатки и умственное убожество однодворцевъ. Но всякій согласится, что это—одни только слова, висящія на воздухѣ; подобныя слова едва-ли могутъ разъяснить вопросъ о происхожденіи однодворцевъ.

Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса нужно, на мой взглядъ, выяснить, во-первыхъ, социальный составъ однодворцевъ и, во-вторыхъ, ихъ экономическое положеніе.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я и попытаюсь сдѣлать это, не надѣясь, впрочемъ, исчерпать вопроса, а рассчитывая лишь затронуть, слегка освѣтить его.

Я не буду распространяться о томъ тяжеломъ положеніи, въ какомъ находилось Московское государство въ продолженіе XVII стол.: это вѣсьмъ хорошо извѣстно. Всякій знаетъ, что, во-первыхъ, нужно было залѣчивать глубокія раны, нанесенныя государственному организму «смутой»; во-вторыхъ, приходилось вести долгую и упорную борьбу съ внѣшними врагами, главнымъ образомъ съ Польшей, а также со Швеціей и Турціей; наконецъ, необходимо было защищать южную окраину государства отъ непрерывныхъ набѣговъ разныхъ «воинскихъ людей», преимущественно крымскихъ татаръ. Для этой послѣдней цѣли Московское правительство строило на южной границѣ новые города и укрѣпленныя линіи. Въ XVII в. существовали слѣдующія линіи укрѣпленій: Бѣлгородская черта, Симбирская черта, Тамбовская и Козловская. Козловская черта тянулась на 54 версты и состояла изъ вала, земляныхъ и деревянныхъ городковъ¹⁾, надолбъ и другихъ укрѣпленій. Были устроены особенныя караульныя башни, въ которыхъ находились караульщики, обязанные день и ночь зорко слѣдить за «воинскими людьми» и заранѣе давать знать объ ихъ появленіи; наконецъ, на всей чертѣ, возлѣ городковъ, были сторожки²⁾.

Само собой разумѣется, что укрѣпленіе южной окраины требовало большаго количества ратныхъ людей.

Служилые люди, поселенные въ украинныхъ городахъ, въ городахъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, дѣлились на 2 категоріи: на городовыхъ и полковыхъ; первые составляли гарнизоны и предназначались специально для отраженія «воинскихъ людей», а вторые несли армейскую службу, принимали участіе въ походахъ противъ другихъ внѣшнихъ непріятелей.

Въ началѣ 1675 г., въ 27 городахъ Бѣлгородскаго полка, «которые по чертѣ и за чертою»³⁾, были произведенъ смотръ и разборъ «полко-

¹⁾ Упомянутыя слѣдующіе городки: Бѣльскій, Челнавскій, Горѣтовскій, Касимовскій и Чебоксарскій.

²⁾ А. М. Ю. Стг. Бѣлгородскаго стола, 826, л. л. 211—215.

³⁾ Именно: въ Бѣлгородѣ, Болховѣ, Харьковѣ, Чугуевѣ, Салтовѣ, Нежегольскѣ, Корочѣ, Яблоновѣ, Новомъ-Осколѣ, Валуйкѣ, Верхососенскѣ, Усердѣ, Ольшанскѣ, Острогожскѣ, Коротоякѣ, Урывѣ, Костенскѣ, Землянскѣ, Воронежѣ, Орловѣ, Усмани, Бѣлоколицкомъ, Сокольскѣ, Добромъ, Козловѣ, Бѣльскомъ и Челнавскомъ.

вые и городовые службы всякихъ чиновъ ратныхъ людей прежнихъ выборовъ и которые по разбору написаны вновь отъ семей, и у нихъ дѣтей и братьи и свойственниковъ».

Въ результатѣ получились слѣдующія цифры:

1) ратныхъ людей *полковой* службы оказалось 10591 чел.: прежнихъ выборовъ 7999 чел. и написанныхъ въ службу вновь 2592 чел.

«Въ домѣхъ у нихъ дѣтей и братьи и свойственниковъ, которые написаны имъ *для пашни* и въ службу поспѣли и которые за старость отъ службы отставлены, и недорослей и въ малыхъ лѣтахъ»—16673 чел.

2) ратныхъ людей *городовой* службы—20126 чел.: прежнихъ выборовъ 18667 чел. и вновь зачисленныхъ на службу 1459 чел.

У нихъ дѣтей и родственниковъ—21716 чел. Всего ратныхъ людей (полковой и городской службы)—30717 чел.; у нихъ дѣтей и родственниковъ мужскаго пола—38389 чел.¹⁾

Такимъ образомъ, въ 27 городахъ Бѣлгородскаго полка, въ 1675 г., ратныхъ людей городской службы числилось почти вдвое больше, чѣмъ полковыхъ ратныхъ людей. Такое отношеніе свидѣтельствуетъ о томъ, какъ серьезна была борьба съ «воинскими людьми», какого большаго количества ратныхъ людей она требовала.

Почти непрерывныя войны Московскаго государства съ другими враждебно настроенными сосѣдями, преимущественно съ Польшей, а также со Швеціей и Турціей, еще болѣе увеличивали нужду въ ратныхъ людяхъ.

Русское войско оказалось вполне несостоятельнымъ въ борьбѣ съ иностранными войсками, обученными и вооруженными по новому, и вотъ московское правительство рѣшило заимствовать у иноземцевъ военно-техническія усовершенствованія. Результатомъ этихъ заимствованій и было появленіе въ московской арміи полковъ «иноземнаго строя»—солдатъ, драгунъ, копейщиковъ и рейтаръ.

Итакъ, непріязненныя отношенія Московскаго государства къ своимъ сосѣдямъ, упорная борьба съ ними создали крайнюю, острую нужду въ служилыхъ людяхъ. Подъ вліяніемъ этой нужды, а также вслѣдствіе малой пригодности дворянской конницы, поколебалось сословно-наслѣдственная организація московской арміи.

Московское правительство то-и-дѣло пополняетъ ряды своего войска людьми, взятыми изъ *разныхъ* слоевъ населенія.

¹⁾ А. М. Ю. Стг. Бѣлгородскаго ст., 827, лл. 806—811. Приведенныя въ текстѣ цифры даютъ возможность провѣрить одно предположеніе г. Благовѣщенскаго. Онъ, разбирая „статьи“ 1672 г. (П. С. З., I, № 522) и желая по приведенному тамъ количеству ратныхъ людей опредѣлить число жившихъ съ ними дѣтей ихъ и родственниковъ мужскаго пола, предполагаетъ, что на cadaго служилаго человѣка приходилось 3 родств. (р. 84). Такое предположеніе нужно ему для того, чтобы полученная цифра приблизилась къ числу однодворцевъ Кіевской губ. въ 1715 г. Изъ нашихъ цифръ выходитъ, что на одного ратнаго челов. приходилось среднимъ числомъ 2,25 чел. дѣтей и родственниковъ мужскаго пола.

Приведемъ нѣсколько фактовъ этого рода, относящихся главнымъ образомъ къ южной окраинѣ Московскаго государства.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вотчины московскаго Новоспасскаго монастыря, находившіяся въ Лебедянскомъ уѣздѣ, были отобраны въ казну, а жившіе въ нихъ монастырскіе крестьяне были зачислены въ *драгуны*. Взамѣнъ отобранныхъ земель монастырь получилъ обширныя вотчины въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи ¹⁾.

Въ 1640 г. была произведена подробная опись слободъ служилыхъ людей въ Лебеядни. Если въ какой-нибудь слободѣ оказывалась лишняя или незанятая земля, то писцы должны были вновь набрать столько ратныхъ людей, сколько было свободныхъ земельныхъ участковъ. Такая земля была найдена въ Стрѣлцкой слободѣ — и вотъ «по государеву указу писцы Тихонъ и подьячей Григорій прибрали на стрѣлцкую на остаточную и на примѣрную землю вновь въ стрѣльцы изъ ихъ-же стрѣлцкихъ братьи и изъ племянниковъ и изъ *бобылей* и изъ *половинщиковъ* и изъ *церковныхъ бобылей* и изъ *гулящихъ людей*» ²⁾.

Возлѣ Ельца за Ливенскими воротами, находилась слободка боярина Никиты Ивановича Романова «на даномъ мѣстѣ», населенная бобылями. Переписчики, описывавшіе городъ Елецъ съ уѣздомъ въ 1646 г., отмѣтили, что 4 изъ этихъ бобылей взяты были «по государевѣ грамотѣ» въ *стрѣльцы* на Елецъ ³⁾.

Въ декабрѣ 1660 г. московское правительство сдѣлало распоряженіе, касающееся нѣсколькихъ городовъ, о принудительномъ верстаніи въ службу лицъ духовнаго званія, церковныхъ бобылей, сосѣдей, подсосѣдниковъ и захребетниковъ. «...И поповыхъ, и дьяконовыхъ, и дьячковыхъ дѣтей и племянниковъ и внучать, и церковныхъ бобылей, и которые въ тѣхъ городахъ у посадскихъ и у всякихъ житецкихъ людей живутъ въ сосѣдяхъ и въ подсосѣдникахъ и въ захребетникахъ и въ примышахъ, и всякихъ вольныхъ людей, недорослей написать въ службу, кто въ какую пригодится» ⁴⁾.

Впрочемъ, 1 февраля 1661 г. принудительное зачисленіе въ военную службу лицъ духовнаго званія было отмѣнено: «а которые дѣти ихъ (т. е.

¹⁾ И. И. Дубасовъ. „Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края“. Вып. 4-й. Тамбовъ. 1887 г., р. 45.

²⁾ А. М. Ю. Лебедян. писцов. кн., № 117, л. 182 об.

³⁾ Ibid. Елецкая переп. кн., № 135, лл. 15 об.—16.

⁴⁾ П. С. З., I, № 289 (26 декабря 1660 г.). Ср. ibid., № 288 (15 декабря 1660 г.): „...и поповыхъ и дьячковыхъ дѣтей и племянниковъ и внучать, у которыхъ сына по 2 и по 3 и по 4, взять отъ дву-третьяго, а отъ четырехъ двухъ; а въ которой семьѣ больше, тѣхъ потомужъ; а которые грамотѣ умѣютъ, и тѣхъ оставливать съ отцами у церквей, чтобъ церквамъ оскудѣнья не было, а лишнихъ всѣхъ имать и писать въ службу; а то имъ сказывать, что напишутъ ихъ въ службу по разсмотрѣнію, кто въ какую годится“.

свящ.-и церковно-служителей) въ нашу государеву службу похотятъ писаться своею охотою, и вы-бъ ихъ писали въ *драгуны и въ солдаты*, по своему разсмотрѣнію; а въ неволю священническаго чину дѣтей и никакихъ причетниковъ церковныхъ въ службу отнюдь не имать никоторыми обычай» ¹⁾.

Въ одномъ столбцѣ, хранящемся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, мы находимъ значительное количество документовъ, относящихся къ 1675—76 гг., о бѣглыхъ крестьянахъ и холопахъ. Челобитчикъ, сказавъ, что изъ такой-то его вотчины или помѣстья убѣжали такіе-то крестьяне или холопы, просить послать государевы грамоты къ воеводамъ тѣхъ городовъ, куда, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, убѣжали его крестьяне. Посылалась грамота, въ которой воеводѣ предписывалось отыскать бѣглаго или бѣглыхъ. «А какъ онъ (т. е. бѣглый) сысканъ будетъ, читаемъ мы, напр., въ грамотѣ къ старооскольскому воеводѣ, и ты-бъ его распросилъ и въ Старомъ-Осколѣ въ приказной избѣ записными и строельными книгами и служилыми списками и всякими записками и старооскольцы всякихъ чиновъ людьми, гдѣ онъ жилъ, розыскалъ, въ которомъ году онъ въ Старой-Осколѣ пришелъ и въ *службу* или въ тягло написанъ; и буде по розыску объявитца, что въ Старой-Осколѣ пришелъ и въ службу или въ тягло написанъ до 161 г.—и на того въ крестьянствѣ суда не давалъ, а велѣлъ ему въ Старомъ-Осколѣ въ службѣ или въ тяглѣ быть по-прежнему». Если-же крестьянинъ убѣжалъ послѣ 161 г., то истцу нужно давать судъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ ²⁾.

Это узаконеніе уже въ общей формѣ мы встрѣчаемъ въ «сыщиковѣ наказѣ» 2 марта 1683 г. ³⁾.

Но и тѣ крестьяне и холопы, которые убѣжали въ украинные города послѣ 161 г. и поступили тамъ на государеву службу, далеко не всѣ возвращались въ прежнее состояніе. Правительство вообще неохотно отдавало помѣщикамъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, зачисленныхъ въ военную службу. «Въ статьяхъ о разборѣ ратныхъ людей Сѣвскаго полку городовъ» 1685 г. находится, между прочимъ, такое предписаніе: «а будетъ въ тѣхъ городѣхъ объявятся какіе пришлые изъ иныхъ городовъ служилые или гулящие люди, или чьи *бѣглые холопы и крестьяне*, а истцовъ имъ по се число и челобитья объ нихъ не было, а живутъ они домами своими на пустыхъ или на оброчныхъ земляхъ, или у кого въ

¹⁾ Ibid, № 291.

²⁾ Стт. Бѣлгородскаго стола, 826, л. 195.

³⁾ П. С. З., II. № 998, ст. 3. Утвержденіе г. Благовѣщенскаго, что этимъ „наказомъ“ была установлена *тридцатилѣтняя* давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ и холопахъ (р. 25), должно быть признано невлѣрнымъ.

дворникахъ и въ захребетникахъ, а собою они добры и человѣчны, и тѣхъ всѣхъ написать въ *солдатскую службу* ¹⁾.

Тоже самое предписаніе повторяется и «въ статьяхъ о разборѣ ратныхъ всякаго чина людей Бѣлгородскаго полку» 1694 г. ²⁾.

Нужно упомянуть и о такихъ случаяхъ, когда холопы за совершенныя ими преступленія ссылались на Украину и устраивались тамъ въ *казачью службу* ³⁾.

Въ Елецкой переписной книгѣ 1646 г. мы находимъ любопытныя данныя о бѣглыхъ: о большинствѣ изъ нихъ имѣются свѣдѣнія, куда они бѣжали.

Оказывается, что 24 чел. посадскихъ, покинувъ тягло, поступили въ военную службу; изъ 459 бѣглыхъ уѣздныхъ жителей (381 кр., 74 боб. и 4 хол.) 142 чел. (121 кр., 20 боб. и 1 хол.), или 30,94% точно также сдѣлались ратными людьми. Эти 166 чел. по роду военной службы распределяются такъ:

- 1) 130 чел. зачислились въ казаки (городовые и полковые),
- 2) 12 » » » солдаты,
- 3) 11 » » » дѣти боярскія,
- 4) 6 » » » пушкарѣ,
- 5) 4 » » » стрѣльцы,
- 6) 3 » » » неизвѣстно, въ какую службу.

Занимающіе насъ бѣглецы ⁴⁾ устроились на службу въ 8 городахъ: Ельцѣ, Ефремовѣ, Козловѣ, Лебедяни, Талецкомъ острогѣ, Тамбовѣ, Усманѣ и Чернавскѣ.

Большинство изъ нихъ убѣжало за нѣсколько лѣтъ до производства переписи ⁵⁾.

Нѣтъ основаній думать, что всѣ эти бѣглецы были возвращены въ прежнее состояніе; болѣе вѣроятно предположеніе, что большая часть изъ нихъ осталась въ военной службѣ.

Вообще слѣдуетъ сказать, что на южную окраину Московскаго государства, особенно во второй половинѣ XVII стол., убѣгало значительное количество посадскихъ, крестьянъ и холоповъ; многимъ изъ нихъ удавалось устроиться на государеву службу. Указанія на это явленіе мы находимъ въ наказахъ воеводамъ южныхъ городовъ, въ наказахъ, относящихся къ 1670-мъ годамъ. Такъ, въ наказѣ землянскому воеводѣ Гавріилу Никит. Корсакову, 1676 г., встрѣчается такое мѣсто да: «вѣдомо

¹⁾ П. С. З., II, № 1148, ст. 26.

²⁾ П. С. З., III, № 1502, ст. 32.

³⁾ Ор. cit. И. Н. Миклашевскаго, р. 166.

⁴⁾ Нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ были поверстаны въ службу по распоряженію правительства.

⁵⁾ А. М. Ю. Елецкая переписная кн. 1646 г., № 135.

великому государю учинилось, что Бѣлогородскаго полку въ городѣхъ воеводы и приказные люди изъ резанскихъ и изъ украинныхъ и изъ заопскихъ и изъ замосковныхъ городовъ служилыхъ и посадскихъ людей, которые, покиня въ городѣхъ прежніе свои службы и тягла, збѣжали, и боярскихъ холопей и крестьянъ бѣглыхъ-же принимаютъ и пишутъ ихъ въ службу и въ тегло безъ указу великаго государя самовольствомъ, для своихъ прихотей и многихъ взятковъ» ¹⁾).

Приемъ на службу бѣглыхъ врядъ-ли слѣдуетъ объяснять одними только воеводскими «прихотями и многими взятками»: едва-ли не такую-же, если только не болѣе важную, роль игралъ въ данномъ случаѣ недостатокъ въ ратныхъ людяхъ. Горькія жалобы на этотъ недостатокъ попадаютъ въ массѣ воеводскихъ отписокъ изъ южныхъ городовъ.

Итакъ, служилые люди, поселенные на южной окраинѣ Московскаго государства, представляли, по своему социальному составу, очень пестрый видъ; въ ихъ средѣ мы видимъ: 1) дворянъ и дѣтей боярскихъ, 2) лицъ духовнаго званія, 3) посадскихъ людей, 4) крестьянъ и бобылей, 5) холоповъ и 6) гулящихъ людей.

Трудно опредѣлить количественное отношеніе между этими элементами, входившими въ составъ служилой массы Украины; одно можно сказать, что „родовитыхъ дѣтей боярскихъ и городовыхъ дворянъ“ (Н. А. Благовѣщенскій, р. 9) было немного на Украинѣ: ихъ было лишь нѣсколько капель въ морѣ *захудалыхъ* дворянъ и ратныхъ людей, вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ населенія.

Совмѣстная служба должна была постепенно сближать и перемѣшивать дворянскій и недворянскій элементы. Дѣти боярскіе не гнушались брать себѣ въ жены крестьянскихъ дочерей ²⁾).

Въ документахъ попадаются указанія на то, что одинъ изъ братьевъ числится въ дѣтихъ боярскихъ, а другой живетъ за какимъ-нибудь помѣщикомъ или вотчинникомъ въ крестьянахъ или въ бобыляхъ; напр., въ Елецкой переписной книгѣ 1646 г. мы читаемъ: «(д) пусть бобыля Сеньки Путохи съ дѣтьми—съ Матюшкомъ да съ Васькомъ да съ Исайкомъ: бѣгая, нынѣ живутъ въ томъ-же засосенскомъ стану въ деревнѣ Погибелькѣ брата своего ельченина сына боярскаго на Сергѣевѣ землѣ Ключева; а бѣжалъ во 144 г.» (л. 102). «(Д) пусть крестьянской Олпатки Тимоѣева сына: спелъ въ нынѣшнемъ во 154 г. за брата своего за ельченина сына боярскаго за Огѣя Бунѣва» (л. 130).

И другимъ путемъ, помимо родственныхъ связей, вливался въ среду дѣтей боярскихъ недворянскій элементъ: въ документахъ XVII в. можно

¹⁾ А. М. Ю. Стт. Бѣлогородскаго стола, 828, л.л. 309—310; ср. оп. cit. И. Н. Миклашевскаго, р. 157 и р. 206, прим. 1.

²⁾ А. М. Ю. Стт. Бѣлогородскаго стола, 826, л.л. 172 и 176.

найти много свидѣтельствъ о томъ, что въ дѣти боярскія верстались казаки, разные «охочіе и вольные люди» и крестьяне ¹⁾).

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени масса дѣтей боярскихъ южной окраины Московскаго государства становилась все менѣе и менѣе дворянскою. Самый терминъ «дѣти боярскія» приобретаетъ не столько *соціальное*, сколько *военное* значеніе; дѣти боярскія Украйны стали называться такъ не столько по своему происхожденію, сколько по роду службы ²⁾).

Этотъ процессъ долженъ былъ стирать черту, раздѣлявшую два элемента—дворянскій и недворянскій. Попытки московскаго правительства сохранить эту черту едва-ли имѣли практическое значеніе. Въ статьяхъ о разборѣ ратныхъ людей «Сѣвскаго полку городовъ», 1685 г., находится предписаніе о зачисленіи въ копейщики и рейтары только дѣтей боярскихъ: «а изъ нижнихъ чиновъ и изъ солдатъ въ тѣ чины не писать» ³⁾. Значить, служба въ рейтарахъ и копейщикахъ была какъ-бы привилегіей дѣтей боярскихъ. Впрочемъ, далеко не всѣ изъ нихъ могли пользоваться этой привилегіей: многія дѣти боярскія принуждены были «за скудостью» служить въ солдатахъ; чтобы утѣшить такихъ несчастливцевъ, было прибавлено: «а буде впредь которые изъ нихъ пожитками пополнятся, и они изъ того пѣшаго строю написаны будутъ не токмо въ копейную и въ рейтарскую службу—и въ начальные люди, кто въ какой строй по службѣ и по разсмотрѣнію пригодится; а въ укоризну имъ того, что они нынѣ въ пѣшемъ строю, никому не ставить» ⁴⁾.

Не всякій сынъ боярскій могъ удержаться въ копейщикахъ или въ рейтарахъ: если онъ пріѣзжалъ въ полкъ на худомъ конѣ и съ плохимъ оружіемъ, то его наказывали и перечисляли «вѣчно, безповоротно» въ солдаты ⁵⁾. Той-же участи подвергался онъ за неприбытіе на службу и дезертирство ⁶⁾.

По указу 12 ноября 1680 г., велѣно значительную часть рейтаръ, стрѣльцовъ и казаковъ «писать солдатами» и «служить имъ солдатскую службу» ⁷⁾.

Итакъ, дѣти боярскія перечислялись изъ одного рода службы въ другой; это перечисленіе должно было точно также способствовать уравниенію, ассимиляціи дворянскаго и недворянскаго элементовъ. Въ томъ-же направленіи дѣйствовало и *экономическое положеніе* дѣтей боярскихъ.

Главной основой матеріальнаго обезпеченія дѣтей боярскихъ, какъ и другихъ служилыхъ людей, была, конечно, земля.

¹⁾ Op. cit. II. Н. Миклашевскаго, введ., р. 15, прим. 2.

²⁾ Ibid., р. 15.

³⁾ П. С. З., II, № 1148, ст. 8. Ср. ibid., III, № 1502, ст. 9.

⁴⁾ Ibid., II, № 1148, ст. 13. Ср. ibid., III, № 1502, ст. 12.

⁵⁾ Ibid., II, № 1148, ст. 12.

⁶⁾ Ibid., III, № 1502, ст. 24.

⁷⁾ П. С. З., II, № 844.

Обыкновенно сынъ боярскій южной окраины получалъ отъ правительства помѣстную дачу въ 50—100 четв. въ одномъ полѣ. Попадаютъ, впрочемъ, помѣстья въ 150—200 четв.; но можно встрѣтить и такихъ дѣтей боярскихъ, которыя владѣли 25, 12¹/₂ и даже 6 четв.

Говоря вообще, дѣти боярскія южной окраины должны быть отнесены къ разряду мелкопомѣстныхъ.

Просматривая писцовыя книги южныхъ городовъ, мы замѣчаемъ, что лишь незначительная часть земель, принадлежавшихъ дѣтямъ боярскимъ, находилась подъ обработкой и, слѣдовательно, приносила доходъ владѣльцамъ; большая часть значится подъ рубрикой «дикое поле». Главной причиной этого явленія нужно признать недостатокъ въ рабочихъ рукахъ.

Большинство дѣтей боярскихъ либо совсѣмъ не имѣло крестьянъ и бобылей, либо имѣло ихъ въ очень небольшомъ количествѣ.

Во всемъ Оскольскомъ уѣздѣ, въ 1617 г., былъ одинъ только бобыльскій дворъ на 260 помѣщичьихъ. Слѣдовательно, все помѣщики этого уѣзда были однодворцами ¹⁾.

Въ 1626 г., въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ числилось 320 помѣщиковъ. За ними было:

- | | |
|-------------------------------|--------------------------|
| 1) 250 крестьянскихъ дворовъ, | } въ нихъ 647 кр. и боб. |
| 2) 347 бобыльскихъ » | |
| 3) 17 людскихъ » | |

Значитъ, на одного помѣщика приходилось среднимъ числомъ 0,7 кр. и 1,1 боб. дв. Многіе помѣщики совсѣмъ не имѣли крестьянъ и бобылей и лично обрабатывали свою землю ²⁾.

Въ Городскомъ стану, Лебедянского уѣзда, въ 1626—28 г.г., мы насчитываемъ 141 помѣщ.; земли за ними числилось 7380 четв. въ 1 полѣ (значитъ, на одного помѣщика приходится въ среднемъ 52,34 четв.). У нихъ было:

- | | |
|------------------------------|-----------------|
| 1) 55 крестьянскихъ дворовъ, | } всего 193 дв. |
| 2) 138 бобыльскихъ » | |

Слѣдовательно, у каждаго помѣщика среднимъ числомъ было: 0,4 кр. дв. и 0,9 боб. ³⁾.

Въ 1 станѣ и 3 волостяхъ Путивльскаго уѣзда, въ 1628—29 г.г., у 35 помѣщ. было:

- | | |
|-------------------------------|--------------------------|
| 1) 386 крестьянскихъ дворовъ, | } въ нихъ 845 кр. и боб. |
| 2) 241 бобыльскихъ » | |
| 3) 24 людскихъ » | |

На одного помѣщика приходилось въ среднемъ 1,1 кр. дв. и 0,6 боб. ⁴⁾.

¹⁾ Ор. cit. И. Н. Миклашевскаго, р. III, прим. 1 и р. 203.

²⁾ Ibid., р. 109.

³⁾ А. М. Ю. Писцов. кн. по Лебедяни и Донкову, № 229, л.л. 201—202.

⁴⁾ Ор. cit. И. Н. Миклашевскаго, рр. 120—121.

Сравнительно много крестьянъ и бобылей видимъ мы за воронежскими помѣщиками въ 1629 г. На 113 помѣщ. дворовъ было:

- | | |
|--------------------------------|--------------------------------|
| 1) 1280 крестьянскихъ дворовъ, | } въ нихъ было 1675 кр. и боб. |
| 2) 290 бобыльскихъ » | |
| 3) 33 людскихъ » | |

Значить, на 1 помѣщичій дворъ приходилось среднимъ числомъ 13,9 кр. и боб. дв. ¹⁾.

Въ 4 станахъ Елецкаго уѣзда мы насчитываемъ 716 помѣщиковъ, за которыми было:

- | | |
|-------------------------------|--------------------------------|
| 1) 948 крестьянскихъ дворовъ, | } въ нихъ было 3018 кр. и боб. |
| 2) 522 бобыльскихъ » | |

На каждого помѣщика приходилось въ среднемъ 1,3 кр. дв. и 0,7 боб. ²⁾.

Въ Корочанскомъ уѣздѣ, въ 1647 г., было 134 дв. дѣтей боярскихъ и лишь 13 крестьянскихъ дворовъ ³⁾.

Въ 1651 г., ни у одного изъ карповскихъ дѣтей боярскихъ не было ни крестьянъ, ни бобылей ⁴⁾.

Въ 27 городахъ Бѣгородскаго полка, въ которыхъ, по смотру и разбору 1675 г., оказалось до 717 ратныхъ людей, показано за ними всего только 745 кр. и боб. дворовъ и 271 задворн. и дѣлов. людей ⁵⁾.

Итакъ, одна часть (и притомъ значителаная часть) дѣтей боярскихъ южной окраины совсѣмъ не имѣла ни крестьянъ, ни бобылей, а у другой ихъ было ничтожное количество; но и это количество все болѣе и болѣе уменьшалось къ концу XVII в.; крестьяне и бобыли разбѣгались — и дѣти боярскія превращались въ землепашцевъ, въ однодворцевъ ⁶⁾.

Отсутствіе крестьянъ и бобылей у дѣтей боярскихъ еще болѣе сближало ихъ со служилыми людьми «нижнихъ чиновъ», которые обыкновенно сами обрабатывали свои земельные участки. Мало того, однодворцы начинаютъ ставиться на одну доску съ крестьянами.

Въ 1678 г., одоевскій воевода Григ. Глѣбовичъ Бибиковъ послалъ въ Москву отписку о сборѣ «четвериковаго хлѣба» (по полу-осминѣ ржи съ двора въ московскую таможенную мѣру). Этотъ хлѣбъ взимался и съ однодворцевъ, «за кѣмъ пашенные земли есть». «...А иные одоевцы дѣти боярскіе и однодворцы, доносили воевода, въ томъ четвериковомъ хлѣбѣ въ платежѣ чинятца мнѣ, холопу твоему, непослушны; и я, холопъ твой, на тѣхъ ослушниковъ въ Одоевской уѣздѣ посылаю безпрестанно стрѣльцовъ и пушкарей и въ томъ четвериковомъ хлѣбѣ въ платежѣ велѣлъ

¹⁾ Ibid., p. 119.

²⁾ А. М. Ю. Елецкая переп. кн., № 135.

³⁾ Op. cit. И. Н. Миклашевскаго, p. 205.

⁴⁾ Ibid., p. 151.

⁵⁾ А. М. Ю. Стт. Бѣгородскаго стола, 827, л.л. 806—811.

⁶⁾ Op. cit. И. Н. Миклашевскаго, pp. 206—208.

имать людей ихъ и крестьянъ и сажать въ тюрьму, а *однодворцевъ дѣтей боярскихъ*, сыскивая, *отдавать за караулъ и ставить на правезу*“¹⁾.

Такимъ образомъ, однодворцы, въ случаѣ неисправности въ платежѣ податей, подвергались, наряду съ крестьянами и холопами, аресту и правезу.

Весной 1679 г. кн. Яковъ Семеновичъ Бярятинскій былъ посланъ въ Новый-Осколь; между прочимъ, ему было приказано устроить валъ. «... И которымъ образомъ, читаемъ мы въ данномъ ему наказѣ, валъ строить лутче и прибыльнѣе и прочнѣе, также и къ работѣ легче и поспѣшнѣе — и стольнику и воеводѣ кн. Якову Бярятинскому съ товарищи по тому образцу отъ Черемховой Луки до рѣки Волуя то воловое дѣло велѣтъ размѣрить и росписать на себя и на товарищевъ своихъ и полку своею на ратныхъ на всякихъ чиновъ людей — на конныхъ по развыткѣ противъ помѣстей ихъ и вотчинъ по ихъ сказкамъ, а *на однодворцевъ и на пѣшихъ людей положить посаженно*, на сколько человекъ по сколько сажень доведетца. . . . И которыхъ городовъ ратные люди съ помѣстей своихъ и съ вотчинъ *и однодворцы и крестьяне и бобыли посаженно* валового дѣла и городского строенія и всякихъ крѣпостей сдѣлають»²⁾ и проч. Въ приведенномъ отрывкѣ однодворцы очень замѣтно отличаются отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и сопоставляются съ крестьянами и бобылями.

Итакъ, въ концѣ XVII стол. служилые люди южной окраины Московскаго государства представляли болѣе или менѣе однородную массу: дворянскій элементъ, входившій въ составъ этой массы, постепенно растворялся и былъ поглощенъ недворянскимъ элементомъ. Вся эта служилая масса, въ общемъ небогатая, не имѣла крестьянъ и бобылей и личнымъ трудомъ обрабатывала свою землю. Это обстоятельство фактически сближало служилыхъ людей съ крестьянами.

Такъ именно и посмотрѣлъ на нихъ Петръ Великій. Въ указѣ 22 января 1719 г. о подачѣ ревизскихъ сказокъ однодворцы смѣшиваются съ крестьянами³⁾. Плакатъ 26 июня 1724 г. причисляетъ однодворцевъ къ государственнымъ крестьянамъ. По этому плакату, какъ извѣстно, съ каждой ревизской души мужскаго пола велѣно собирать 74 коп. въ годъ. Однодворцы, сверхъ того, должны были платить 40 коп.: «понеже на однодворцовъ, на черносопныхъ крестьянъ, на татаръ и ясашныхъ и на пашенныхъ и *на другихъ имъ подобныхъ государственныхъ крестьянъ*, которые не за помѣщики, на тѣхъ положено, сверхъ настоящаго подушнаго сбора, вмѣсто помѣщичьяго дохода, еще по 4 гривны съ души»⁴⁾.

¹⁾ А. М. Ю. Стг. Бѣлгородскаго стола, 867, л. л. 143—144.

²⁾ Ibid. Стг. Бѣлгородскаго стола, 875, л. л. 59—60 и 79—80.

³⁾ П. С. З., V, № 3287.

⁴⁾ Ibid., VII, № 4533.

Добавочный четырех-гривенный сборъ шелъ на содержаніе ландмилицкихъ полковъ, которые формировались изъ однодворцевъ.

Въ указахъ 4 апрѣля и 13 мая 1723 г., «прежнихъ службъ служилы люди» — разные копѣйщики, рейтары, драгуны, солдаты, стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики, станичники и др. официально объединяются общимъ названіемъ однодворцевъ¹⁾.

Мы уже знаемъ, что въ XVII стол. однодворцами назывались тѣ дворяне и дѣти боярскія, за которыми не было ни крестьянъ, ни бобылей; съ начала XVIII в. такъ сталъ называться особенный разрядъ государственныхъ крестьянъ, происходившій отъ служилыхъ людей, несшій ландмилицкую службу и сохранившій право владѣть крестьянами²⁾.

Подушная подать и добавочный четырех-гривенный сборъ были тѣмъ связующимъ звеномъ, которое окончательно объединило однодворцевъ и превратило ихъ въ особенный разрядъ государственныхъ крестьянъ.

Такъ я представляю себѣ процессъ образованія однодворцевъ.

Игнорированіе этого процесса г. Благовѣщенскимъ я считаю серьезнымъ пробѣломъ въ его книгѣ.

2. Землевладѣніе служилыхъ людей южной окраины Московскаго государства, въ XVII в.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію той формы землевладѣнія, которая сложилась у большинства служилыхъ людей на южной окраинѣ Московскаго государства, въ XVII в.

Г. Благовѣщенскій посвящаетъ этому интересному вопросу цѣлую главу (II-ую). Мы и займемся сейчасъ ея разборомъ.

Нашъ авторъ считаетъ возможнымъ назвать землевладѣніе служилыхъ людей южной окраины *общиннымъ*. Потомъ мы увидимъ, вѣрно-ли это. Онъ различаетъ три типа общинъ: 1) одно-фамильную общину, 2) разно-фамильную и 3) многодворную.

¹⁾ „Указы Петра В.“ (1714—1725 гг.). Спб. 1739, pp. 52—53 и 64.

²⁾ Въ 1783 г., послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, ландмилицкая служба прекратилась — и съ однодворцевъ, какъ и съ другихъ крестьянъ, стали брать рекрутъ. Въ 40-хъ годахъ XIX стол. однодворцы утратили право владѣть крѣпостными; съ этого времени они уже рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ государственныхъ крестьянъ. Г. Благовѣщенскій почему то совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ важномъ правѣ однодворцевъ. На стр. 130 онъ пишетъ: „между послѣдними (т. е. государственными крестьянами) и однодворцами осталось *только одно различіе*: однодворцы продолжаютъ нести ландмилицкую службу, но съ 1783 года съ однодворцевъ начали брать рекрутъ, и этимъ изгладилась *послѣдняя* разница“. Это была вовсе не „послѣдняя разница“: „послѣдняя разница“ (и разница значительная), отличавшая однодворцевъ отъ другихъ государственныхъ крестьянъ, уничтожилась тогда, когда первые утратили важное право владѣть крѣпостными, право, напоминавшее о томъ, что предки однодворцевъ были служилыми людьми.

Однофамильной общиной онъ называетъ такую, члены которой, происходя отъ одного предка, связаны между собой кровнымъ родствомъ и носятъ одну фамилію; «только въ рѣдкихъ случаяхъ попадалась иная фамилія—это былъ зять, приставшій на дочь или внучку первоначника, или на его вдову, мать или мачиху *однодворцевъ*» (р. 45)¹⁾. Если въ одномъ селеніи испомѣщалось нѣсколько отдѣльныхъ фамилій, то возникала разнофамильная община; а многодворная община появлялась тогда, когда земля отводилась цѣлой группѣ лицъ, при чемъ каждое лицо получало дачу одинаковой величины (рр. 47 и 62—64). Однофамильную общину г. Благовѣщенскій называетъ еще *родовой*, а разнофамильную и многодворную—*четвертными* (рр. 49 и 52); но вѣдь и первую можно назвать четвертной, что и дѣлаетъ самъ авторъ, напр., на стр. 59. Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Благовѣщенскій всѣ три типа общинъ одинаково называетъ родовыми²⁾. Впрочемъ, на стр. 509 онъ дѣлаетъ такую оговорку: «тамъ (въ многодворной общинѣ) каждый дворъ (?) имѣетъ несомнѣнно родовую организацію, но она охватываетъ лишь *внутреннія* правоотношенія членовъ, происшедшихъ изъ одного двора; что же касается правоотношеній *внѣшнихъ*, то они покоятся не на родовой, а на чисто сосѣдской организаціи». Но оговорка эта мало выясняетъ дѣло: для меня не совсѣмъ ясно, что разумѣетъ авторъ подъ внѣшними и внутренними правоотношеніями; неясно также, существуетъ-ли между ними какая-нибудь связь, воздѣйствуетъ-ли одна категорія правоотношеній на другую.

Такъ какъ г. Благовѣщенскій, изучая землевладѣніе, считаетъ нужнымъ различать три типа общинъ, то мы въ правѣ думать, что въ этихъ общинахъ складываются различныя формы землевладѣнія; но этого нѣтъ. Авторъ говоритъ: «всѣ эти термины (однофамильная община, разнофамильная и многодворная) опредѣляютъ лишь *первоначальный типъ заимки* и относятся, такъ сказать, къ эмбріональному періоду четвертной общины, но этотъ-то періодъ и важенъ для изслѣдователя, ибо имъ обусловливается *до нѣкоторой степени* дальнѣйшій ходъ развитія общиннаго начала у однодворцевъ» (р. 71).

Такимъ образомъ, указанные три типа общинъ—не типы общинъ, а типы заимокъ, различныя формы испомѣщенія служилыхъ людей. Эти формы могутъ имѣть значеніе при изученіи колонизаціи; что касается землевладѣнія, то онѣ не отразились на немъ замѣтнымъ образомъ; это не значитъ, что форма заимки не оказала вліянія на форму землевладѣнія; я хочу только сказать, что указаннымъ тремъ типамъ заимки не соотвѣтствуютъ непременно три формы землевладѣнія. Слѣдовательно,

1) Такъ авторъ называетъ лицъ, происшедшихъ отъ одного предка, вышедшихъ изъ одного двора. Если это—попытка объяснить слово „однодворецъ“, то она должна быть признана въ высшей степени неудачной.

2) Тоже самое встрѣчаемъ мы и въ статьѣ его „Своеобразный институтъ у однодворцевъ“. В. Е. за 1900 г., кн. X, рр. 679, 681 и др.

при изученіи землевладѣнія, нѣтъ надобности говорить о трехъ видахъ заимки, нѣтъ также нужды различать три типа общинъ.

Какую-же форму землевладѣнія видимъ мы у служилыхъ людей южной окраины въ XVII в.? Группа служилыхъ людей, испомѣщенная въ однихъ урочищахъ, образовывала артель, товарищество, члены котораго заключали между собой договоръ; «договоръ этотъ чаще всего бывалъ *молчаливымъ*» (р. 50). Признаюсь, я не могу представить себѣ «молчаливаго договора». Было-бы вѣрнѣе сказать, что договоръ обыкновенно бывалъ *словеснымъ*, а не письменнымъ. Однако это былъ настоящій договоръ, санкціонированный правительственной властью. Въ строельныхъ и писцовыхъ книгахъ, въ отказныхъ грамотахъ, а также въ другихъ официальныхъ документахъ, относящихся къ южной окраинѣ, обыкновенно попадаетъ такое выраженіе: «а пашня ему (или имъ) пахать и сѣно косить съ помѣщики черезъ межу (или десятину)»; выраженіе это въ различныхъ документахъ варьируется. Въ Козловской строельной книгѣ. 1635—37 гг., послѣ описанія жеребья каждаго помѣщика, аккуратно повторяется: «а пашня ему пахати и сѣно косить въ деревнѣ (такой-то) съ помѣщики черезъ десятину и всякими угоды владѣть по своей дачѣ»¹⁾; или въ Курской писцовой книгѣ, 1685 г., мы постоянно читаемъ: «а пашню пахать и сѣно косить и всякими угоды владѣть вонче съ помѣщики села (такого-то, или деревни такой-то) черезъ десятину»²⁾.

15 іюля 1682 г., стольнику Ѳедору Ивановичу Кузьмину было отказано помѣстье рязанца Игнатія Петровича Подъяпольскаго въ Рязскомъ уѣздѣ, въ Пехленкомъ стану, «въ жеребью пустоши Колеминки» — 4½ ч. въ одномъ полѣ. «Пашня столника Ѳедора Кузьмина людямъ его и крестьяномъ въ томъ помѣстѣ пахать черезъ десятину, не выборомъ, повытно, по четьямъ, по своимъ дачамъ, и сѣно косить съ помѣщики вонче»³⁾.

Какъ мы должны смотрѣть на приведенное выраженіе: слѣдуетъ-ли видѣть въ немъ предписаніе правительства, или что-нибудь иное? Повидимому, г. Благовѣщенскій склоненъ думать, что интересующее насъ выраженіе — воля правительства, которое навязывало товариществу извѣстные внутренніе распорядки, извѣстную организацію, во избѣжаніе споровъ, смутъ и обидъ. «Часто правительство, говоритъ онъ, предупреждало возникновеніе споровъ и ради сего въ отказныхъ грамотахъ *детально* указывало способъ разверстки не только пашни, но и другихъ угодій» (р. 48); и въ другомъ мѣстѣ: « . . . въ предупрежденіе обычныхъ смутъ и обидъ правительственная власть не забываетъ упоминать о правахъ владѣльцевъ

¹⁾ Акты, относ. до юрид. б. др. Рос., II, pp. 310—326.

²⁾ А. М. Ю. Курская писц. кн., № 925, лл. 579—580, 604 и др.

³⁾ Акты, отн. до юр. б. др. Р., I, р. 38. См. также op. cit. И. Н. Миклашевскій, pp. 190—191.

въ ввозныхъ грамотахъ и строельныхъ книгахъ» (р. 70). Такой взглядъ г. Благовѣщенскаго я считаю ошибочнымъ: правительство и не думало навязывать товариществамъ служилыхъ людей извѣстной организаціи, той именно организаціи, которую оно признавало цѣлесообразной. Что же дѣлало правительство? Оно надѣляло землей извѣстное количество служилыхъ людей и затѣмъ санкціонировало заключаемый ими договоръ; организація товарищества, развертка земли и разныхъ угодій между его членами и проч. опредѣлялись не предписаніемъ правительства, а этимъ договоромъ.

Итакъ, занимающее насъ выраженіе представляется мнѣ ни чѣмъ инымъ, какъ *формулой санкціи*. Формула эта, заключающая въ себѣ основныя черты договора, придавала этому послѣднему законную силу, прочность.

Заключали-ли между собой договоръ тѣ служилые люди, которые произошли отъ одного предка? Кажется, г. Благовѣщенскій держится того мнѣнія, что однофамильная община покоится не на договорѣ, а на кровномъ родствѣ, что однофамильцевъ связываетъ не соглашеніе, а происхожденіе отъ единаго предка: по крайней мѣрѣ, говоря объ однофамильной общинѣ, онъ не упоминаетъ ни о договорѣ, ни о товариществѣ; что касается внутреннихъ распоряжковъ въ этой общинѣ, то они ни чѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые господствовали въ разнофамильной и многодворной общинахъ (рр. 45—47). Я думаю, что и такъ называемая родовая община представляетъ изъ себя товарищество, основанное на договорѣ. Общее происхожденіе можетъ быть признано лишнимъ звеномъ, соединяющимъ однофамильцевъ, но нѣтъ основаній думать, чтобы оно опредѣляло внутреннюю организацію родственнаго союза, отношенія по землѣ между его членами.

Такимъ образомъ, служилые люди южной окраины, въ XVII в., образуютъ земледѣльческія товарищества, артели, основанныя на договорѣ, который обыкновенно санкціонируется правительственной властью.

Разсмотримъ теперь внутреннюю организацію этихъ товариществъ.

Г. Благовѣщенскій довольно подробно описываетъ эту организацію. Но большая часть подробностей, заключающихся въ его описаніи, основывается не на пристальномъ изученіи документовъ, а на наблюденіяхъ надъ современнымъ бытомъ однодворцевъ, на тѣхъ пережиткахъ, обломкахъ старины, которые у нихъ сохранились (см., напр., рр. 58—67). Я не думаю не только отрицать, но даже умалять значенія такъ наз. пережитковъ для возстановленія прошлаго; но я держусь того мнѣнія, что, при изученіи какого-нибудь историческаго вопроса, на первомъ планѣ нужно поставить анализъ документовъ; что касается пережитковъ, то, если таковые сохранились, ими можно пользоваться для лучшаго освѣщенія нѣкоторыхъ сторонъ изучаемаго вопроса, или для объясненія темныхъ, невразумительныхъ мѣстъ документальныхъ источниковъ. Нашъ авторъ поступаетъ

наоборотъ: для изображенія земельной организаціи у служилыхъ людей южной окраины въ XVII в., онъ пользуется главнымъ образомъ пережитками, уцѣлѣвшими у современныхъ однодворцевъ; анализъ документовъ отодвинутъ у него на задній планъ: онъ ограничивается цитатами изъ трехъ-четырехъ документовъ, напечатанныхъ въ актахъ, относящихся до юрид. быта др. Россіи. Вотъ почему, при разсмотрѣніи земельной организаціи товариществъ, какъ она изображена у г. Благовѣщенскаго, я постараюсь по возможности провѣрить его выводы документальными данными.

Члены товарищества, служилые люди, испомѣщенные въ однихъ урочищахъ, должны были разверстать землю такъ, чтобы никого не обидѣть. Въдъ земля, находившаяся во владѣніи товарищества, не была равнокачественной. Прежде всего, она состояла изъ разныхъ угодій: пашни, сѣнокоса, луга, лѣса и проч.; кромѣ того, и пахотная земля могла быть разнаго качества: одни мѣста были высокія, другія—низменныя, одна часть пашни находилась близко отъ дворовъ, другая—далеко и проч. Было бы несправедливо, несогласно съ артельнымъ началомъ, еслибы одни члены товарищества получили болѣе хорошіе куски земли, а другіе—менѣе хорошіе, менѣе удобные. Для устраненія этой несправедливости, вся пахотная земля разбивалась на нѣсколько частей, на нѣсколько *ярусовъ*, соотвѣтственно качеству почвы. Г. Благовѣщенскій почему-то думаетъ, что ярусы возникали, появлялись не сразу, а постепенно: «поярусная разверстка помѣстныхъ земель, говоритъ онъ, слагалась постепенно, по мѣрѣ увеличенія надобности въ пахотной землѣ». «Старопашье представляло первый ярусъ, новораспашная земля дѣтей являлась уже вторымъ ярусомъ. . . . затѣмъ внуки распахали въ третьемъ мѣстѣ, правнуки въ четвертомъ и т. д.» (р. 44). Конечно, ярусы могли возникать и такъ, какъ говоритъ г. Благовѣщенскій; но нѣтъ достаточныхъ основаній не допускать, чтобы могло сразу появиться нѣсколько ярусовъ.

Каждый членъ товарищества получалъ въ каждомъ ярусѣ полосу земли, величина которой соотвѣтствовала его помѣстной дачѣ. «Чтобы разверстать по четвертямъ, говоритъ нашъ авторъ, вовсе не требовалось особенныхъ измѣреній; старались намѣтить параллелограммъ, и по одной изъ его сторонъ начинали отмѣрять саженью, или шестомъ, или просто шагами столько, сколько по дачѣ числится четвертей за тѣмъ, кому достанется по жеребью въ этомъ мѣстѣ первому («съ головы»). Отмѣривши одному, мѣрили слѣдующему «противъ его дачи», т. е. соотвѣтственно съ его пожалованіемъ. . . . Мѣрили только поперекъ, а длина и безъ мѣры у всѣхъ одинакова». На одну четверть обыкновенно намѣряли сажень поперекъ, а вдоль—80, 100, 120, 200 саж.; значить, каждый ярусъ дѣлился на извѣстное число узкихъ и длинныхъ полосъ (загоновъ). Когда намѣрялась сажень на четверть, то это называлось «въ дачу», по 2 саж.—«въ двѣ дачи», а полсажени—«въ полдачу» (pp. 57—58). Существованіе поярусно—полосной разверстки земли подтверждается документами.

Прежде всего обратимъ вниманіе на выраженіе, то и дѣло мелькающее въ документахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о землевладѣніи служилыхъ людей южной окраины; это уже извѣстное намъ выраженіе: «а пашня ему (или имъ) пахать и сѣно косить съ помѣщики *черезъ межу* (или *черезъ десятину*). «Для объясненія этого выраженія можно воспользоваться отказной грамотой 1682 г., въ которой, между прочимъ, мы читаемъ: «пашня. . . пахать *черезъ десятину, не выборомъ*, повытно— по четьямъ, по своимъ дачамъ, и сѣно косить. . . съ помѣщики *вопче*»¹⁾. Приведу также мѣсто изъ писцового наказа 1681 г.: «. . . а землю владѣють *черезъ десятину, а не сряду*: и тѣ ихъ земли за ними писать и межевать *сряду, а не черезъ десятину*»²⁾. Итакъ, «пахать *черезъ межу* или *черезъ десятину*» значитъ—пахать *не выборомъ* и *не сряду*; нельзя было пахать «выборомъ», т. е. нельзя было выбирать любые участки земли, нельзя было пахать, гдѣ угодно, а нужно было сообразоваться съ интересами товарищей, нужно было обрабатывать тѣ полосы пашни, которыя доставались по соглашенію съ членами товарищества; запрещеніе пахать «сряду» указываетъ на отсутствіе особняковъ; значитъ, пахотная земля каждаго члена товарищества не представляла изъ себя цѣльнаго куска, лежащаго въ одномъ мѣстѣ, а состояла изъ нѣсколькихъ полосъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ; по всей вѣроятности, полосы совладѣльцевъ отдѣлялись одна отъ другой межами; отсюда выраженіе «пахать или владѣть *черезъ межу*»; выраженіе «черезъ десятину», быть можетъ, намекаетъ на обычный размѣръ полосъ.

Въ нѣкоторыхъ документахъ прямо констатируется наличность пополосной разверстки земли. Напр., въ записи помѣщиковъ деревни Роговой о раздѣлѣ, 1632 г., такъ характеризуется способъ распредѣленія земли между совладѣльцами: «а въ поляхъ пашня и сѣнные покосы и лѣсъ въ деревнѣ Роговѣ и въ пустошахъ не дѣлено, владѣемъ *черезъ межу и черезъ загонъ*»³⁾. Въ одномъ документѣ встрѣчается указаніе, что «пахали напередъ сего затинщики со стрѣльцами *черезъ полосу поровну*, а сѣно кашивали *вмѣстѣ-жь*»⁴⁾.

Пашня большею частью была въ раздѣльномъ пользованіи у членовъ товарищества, но въ общемъ владѣніи; лѣсъ и выгонъ всегда не только въ общемъ владѣніи, но и въ общемъ пользованіи; что касается сѣнныхъ покосовъ, то въ однихъ товариществахъ они были въ раздѣльномъ поль-

¹⁾ Акты, отн. до юр. б. др. Рос., I, р. 38.

²⁾ П. С. З., II, № 890, ст. 23.

³⁾ Акты, отн. до юр. б. др. Рос., I, р. 694.

⁴⁾ Op. cit. И. Н. Миклашевскаго, р. 91.

зованиі, а въ другихъ—въ общемъ¹⁾. Нѣкоторыми угодьями совладѣльцы не пользовались сами, а отдавали ихъ въ наемъ и полученную плату дѣлили между собой, конечно, тоже «противъ дачъ».

Въ 1676 г., новосильцы Окульшинъ да Красовъ подали на государево имя челобитную, въ которой жаловались на притѣсненія и обиды совладѣльца Василия Леонтьева, рейтара Бѣлгородскаго полка. Они указывали, между прочимъ, на то, что «за сѣножать нашу *артельную* онъ, Василей, деньги емлетъ одинъ». Василий Леонтьевъ былъ подвергнутъ допросу въ Разрядѣ. Въ допросномъ спискѣ упомянутая сѣножать названа «общей»²⁾. Очевидно, совладѣльцы принадлежавшій имъ лугъ отдавали въ наемъ и полученные деньги должны были дѣлить между собой. Кромѣ того необходимо обратить вниманіе на то, что эти совладѣльцы называютъ образованное ими товарищество *артелью*.

Въ нашихъ источникахъ мы не находимъ подробностей о томъ, какъ происходила разверстка земли и сѣнныхъ покосовъ «по четвертямъ». Вполнѣ возможно, что она производилась именно такъ, какъ описываетъ г. Благовѣщенскій.

По мнѣнію нашего автора, нарѣзанныя полосы распредѣлялись между членами товарищества *по жребію* (см., напр., pp. 41 и 46). Я думаю, что распредѣленіе полосъ по жребію нельзя возводить въ общее правило; примѣненіе жребія могло имѣть мѣсто только въ такихъ товариществахъ, члены которыхъ имѣли одинаковыя помѣстные дачи и поэтому получали равновеликія полосы; но и въ такихъ товариществахъ едва-ли *всегда* прибѣгали къ жребію; полосы могли распредѣлять по соглашенію, безъ жребія, а къ жеребьевкѣ прибѣгали въ случаѣ споровъ, несогласій. Такой именно порядокъ наблюдаемъ мы среди новгородскихъ ямщиковъ, въ концѣ XVI в.; въ «книгахъ земляного верстанья» (1588 г.) встрѣчается слѣдующее указаніе: «а о которой земли у охотниковъ былъ споръ, и въ томъ они межъ собою метали жеребей»³⁾.

Если товарищество состояло изъ небольшого числа членовъ, то земля разверстывалась прямо между ними, но въ многочленныхъ товарище-

¹⁾ „Сѣна по конецъ полъ и по заполью и по дубровамъ и лѣсъ съ своими товарищи починка Губина *всѣмъ вопче*“. А. М. Ю. Оскольская дозорная книга 1617 г., № 342, л. 162 об. Повидимому, раздѣльное пользованіе сѣнными покосами, въ XVII в., попадалось чаще, нежели общее. Г. Сергѣевичъ допускаетъ, что сябры „могутъ сообща обрабатывать землю и дѣлить продуктъ“. „Древности рус. землевладѣнія“. Ж. М. Н. Пр. за 1900 г., X, р. 265.

²⁾ А. М. Ю. Столбцы Бѣлгород. стола. 827, л. л. 827 и 832. Новгородскіе ямщики въ 1600 г. отдавали часть своихъ земель въ наемъ: „а даютъ они (ямщики) тое пашни пахати Хутынскимъ крестьянамъ . . . изъ денежново оброку“. „А даютъ они (ямщики) ту пашню изъ четвертова снопа Отенскимъ крестьяномъ“. И. Я. Гурляндъ. Новгород. ямскія книги 1586—1631 г.г., pp. 67 и 74.

³⁾ И. Я. Гурляндъ. Новгород. ямскія книги. Ярославль. 1900, р. 63.

ствахъ дѣло происходило нѣсколько иначе. Въ документахъ XVII стол. можно найти не мало указаній на артели, въ составъ которыхъ входило 50, 100 и больше служилыхъ людей. Въ подобныхъ товариществахъ трудно было распределить землю прямо между совладѣльцами—и вотъ, для облегченія разверстки, товарищи разбивались *на группы*; въ однихъ товариществахъ каждая такая группа заключала въ себѣ родственниковъ, а въ другихъ, именно въ тѣхъ, большая часть членовъ которыхъ не связаны были между собой родственными узами, въ основаніе распределенія на группы клали *количество*, т. е. устраивали такъ, чтобы каждая группа состояла изъ одинаковаго числа товарищей, напр., изъ 10. Я потому выбралъ число 10, что оно находилось въ соотвѣтствіи съ военнымъ дѣленіемъ: извѣстно, что служилые люди «по прибору»—солдаты, стрѣльцы, казаки—дѣлились на десятки; во главѣ каждого десятка находился десятникъ.

Земля разверстывалась сначала между группами, а потомъ доставшуюся долю каждая группа распределяла между входившими въ ея составъ членами (см. у г. Благовѣщенскаго, pp. 46—47 и 58). Новгородскіе ямщики разбивались, при разверсткѣ земли, на группы, каждая изъ которыхъ заключала въ себѣ 10 челов.; группы эти назывались «вытими», или «десятьями» (также десятками). Разверстка земли производилась въ присутствіи ямского старосты и выборныхъ отъ каждого десятка¹⁾.

Оставались-ли полосы въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи того, кому онѣ достались, или нѣтъ? Г. Благовѣщенскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. «Однажды доставшаяся полоса по жребію, говоритъ онъ, не принадлежитъ обладателю въ вѣчное и потомственное владѣніе, какъ это бываетъ при вотчинѣ. Здѣсь вѣчнымъ признается только право на извѣстную долю общей помѣстной земли, и эта доля является идеальной, а не реальной долей, участкомъ. Отсюда *юридическая* возможность *всевозможныхъ* (?) переверстокъ по приговору такой четвертной общины» (p. 59)²⁾.

Мы не можемъ удовольствоваться одной только «юридической *возможностью*» переверстокъ: необходимы свидѣтельства источниковъ объ ихъ существованіи.

Выше я привелъ отрывокъ изъ челобитной новосильцевъ Окульшина и Красова, въ которой они жалуются на своего совладѣльца рейтара Василія Леонтьева. «Съ твоей Великого государевой службы сбѣгаючи, онъ, Василій, живетъ въ дому своемъ, а насъ, холопей твоихъ, обидитъ напрасно, ложнымъ своимъ челобитьемъ упродаетъ и пашню пашетъ и сѣно

¹⁾ Ibid., pp. 22 и сл., 62—63.

²⁾ Эти соображенія заимствованы нашимъ авторомъ у г-жи Ефименко. См. ея работу „Крестьян. землевлад. на крайнемъ Сѣверѣ“ въ „Изслѣд. народ. жизни“, вып. 1, pp. 220—221. Здѣсь же можно найти нѣсколько документальныхъ данныхъ о существованіи переверстокъ у сѣверныхъ складниковъ.

косить на нашихъ, холопей твоихъ, жеребьяхъ *безъ раздѣлу* (т. е. не сообразно съ раздѣломъ), своею мочью, насильствомъ. . . . И въ нынѣшнемъ, государь, во 184 г. билъ челомъ тебѣ, великому государю, а въ Курскѣ подавалъ челобитную боярину и воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи, и противъ его Васильева челобитья прислана въ Новосиль къ воеводѣ отписки по ложному его Васильеву челобитію *въ землею нераздѣль*, и велѣно воеводѣ учинить по указу Великаго государя, и по уложенію, и по крѣпостямъ; и онъ, Василей, передъ воеводою, противъ отписки, крѣпостей не положилъ и о судѣ и объ очной ставкѣ на насъ, холопей твоихъ, волочилъ и убитчилъ».

На допросъ Василя Леонтьева, между прочимъ, обнаружилось: « . . . да изъ Курска отъ боярина и воеводѣ отъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи ималъ онъ, Василей, въ Новосиль къ воеводѣ къ Ондрѣю Пятово отписку *о передѣль усадъ и земли* по крѣпостямъ съ Филимономъ Окулшинымъ и съ товарищи своими и межевую де выпись съ писцовыхъ книгъ и ввозную грамоту онъ, Василей, на свою землю передъ Андрѣя Пятого приносилъ, и онъ де, Андрѣй, *тѣхъ усадъ и земли по крѣпостямъ не раздѣлилъ* для того: съ Филимона Окулшина и съ товарищей ихъ взялъ посулы и имъ дружить¹⁾).

Трудно, конечно, рѣшить, кто изъ совладѣльцевъ былъ правъ, кто виноватъ; но, кажется, можно сказать, что одинъ изъ совладѣльцевъ, Василій Леонтьевъ, требовалъ новой переверстки земли, и, повидимому, остальные товарищи соглашались на эту переверстку; однако безпокойный рейтаръ Леонтьевъ почему-то счелъ нужнымъ обратиться за содѣйствіемъ къ правительственной власти, которая и приказала произвести «передѣль усадъ и земли». Значить, въ случаѣ несогласія между совладѣльцами, возможно было вмѣшательство правительственной власти по жалобѣ одного или нѣсколькихъ членовъ товарищества.

О существованіи земельныхъ переверстокъ у новгородскихъ ямщиковъ мы имѣемъ несомнѣнные свидѣтельства²⁾.

¹⁾ А. М. Ю. Столбцы Бѣлгород. стола, 827, л. л. 827, 829 и 833—834.

²⁾ „И мы охотники всѣ 50 чел. для тое новодаточные земли и старую свою обожную и околородную землю и нынешнюю новодаточную землю всю *изнова поверстали*“. *И. Я. Гуляндъ*. Новгородскія ямскія книги, р. 26; см. также рр. 27—35. См., кромѣ того, дѣловую грамоту сольвычегодскихъ складниковъ, напечатанную въ приложеніяхъ къ труду *Н. А. Рожкова* „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“, рр. 494—495, и Судебникъ царя Θεодора Іоанновича, 1589 г., ст. 159: „а приедетъ в деревню новой жилецъ и захочетъ землю делити во вѣсу землю,—и деревню в полях на волокахъ і во всяких землях и угоды делити, земля и пожни и угоды и путики повытно, по купчимъ“. Г. Сергѣевичъ допускаетъ, что сябры „могутъ временно взять участки въ разныхъ мѣстахъ и обрабатывать ихъ за свой счетъ; а такъ какъ качество участковъ можетъ быть неодинаково, то они могутъ *мгнаться или* отъ времени до времени“. „Древности рус. землевладѣнія“. Ж. М. Н. Пр. за 1900 г., X, р. 265.

Приведу еще одинъ любопытный документъ, относящійся къ сѣверу, документъ, подтверждающій существованіе переверстокъ земли въ земельческіхъ артеляхъ. Документъ этотъ—явка одного складника.

«139 г. мая въ 5 день бьетъ челомъ и являетъ соцкому Богдану Иванову и всѣмъ крестьянамъ Троецкія волости Третьячко Исаковъ сынъ на складника своего на Прокопья Тимофеева сына въ таковъ дѣлѣ: въ прошломъ, господине, въ 138 г. *уложили и излюбили* складники всея Кононовскія деревни: въ Кононовской деревнѣ горнюю землю и луговую ораму и пожни *вервити и жеребевати по долямъ*; и въ прошломъ 138 лѣтѣ тое деревни на горѣ, что по верхнюю сторону дворовъ, то поле раздѣлили и разжеребевали, и *по новому дѣлу* въ томъ полѣ осенесъ (т. е. осенью) и рожь у насъ сіяна къ сему году; а что въ нижнемъ въ замостномъ полѣ въ прошломъ въ 138 лѣтѣ рожь была сіяна, и въ томъ полѣ складники, oprичъ Прокопья Тимофеева, осенесъ *по старому дѣлу* подъ зебелъ (яровую рожь?) всѣ орали, а онъ Прокопей... (неразборчиво). И то поле, господине, сея весны..... (неразборчиво) всѣ складники раздѣлили и разжеребевали же по прежнему излюбу; и тое Прокопьевы неораные земли его полосъ мнѣ Третьячку досталось у дѣлу въ двухъ мѣстѣхъ: въ одномъ мѣстѣ полоса цѣлая неораная, а въ другомъ мѣстѣ съ половину полосы неораные. Да тотъ же, господине, Прокопей въ томъ полѣ у моихъ Третьяковыхъ полосъ *межное кольцо*¹⁾ переставлялъ и къ своимъ полосамъ землю мою отколачиваетъ насильствомъ; и мнѣ отъ того Прокопья въ томъ его насильствѣ—въ земной недопашкѣ и въ межномъ переколотѣ учинятся убытки великіе, а убытки будутъ въ исковой челобитной имяно описаны. Господине соцкой, прими сію мою явочку и иди съ добрыми людьми въ Кононовскую деревню и досмотри того неораного мѣста, что мнѣ Прокопьевыхъ полосъ и неораные земли досталось въ томъ замостномъ полѣ, и межного переколотнаго кольца, и тому досмотру учини записку; а съ явки и съ записки мнѣ списокъ дай, а явочку мою, записавъ, на-время поблюди. Вамъ челомъ быю»²⁾.

Послѣ всего изложеннаго выше мы можемъ сказать, что г. Благовѣщенскій въ общемъ вѣрно изображаетъ ту форму землевладѣнія, которая сложилась у служилыхъ людей южной окраины, въ XVII в. Къ сожалѣнію, принятая имъ оригинальная терминологія вноситъ путаницу въ его изображеніе.

Нашъ авторъ упорно называетъ описанную форму землевладѣнія *общинной*. «Не смотря на то, говоритъ онъ, что изученіе общины значительно подвинулось впередъ за послѣднее время, мы до сихъ поръ не

¹⁾ Значить, полосы складниковъ отдѣлялись одна отъ другой кольями.

²⁾ Приведенный документъ сдѣлался мнѣ извѣстнымъ благодаря любезности П. И. Иванова, за что я и выражаю ему свою горячую признательность. П. И. удалось найти нѣсколько цѣнныхъ документовъ, касающихся главнымъ образомъ землевладѣнія складниковъ; документы эти вскорѣ будутъ напечатаны.

выработали себѣ точной терминологіи: мы все еще держимся чуть не тѣхъ терминовъ, кои въ шестидесятыхъ годахъ употреблялись Чернышевскимъ. Благодаря сбивчивости терминологіи, каждый рискуетъ быть непонятымъ. Во избѣжаніе такой непріятности, мы даемъ здѣсь свое опредѣленіе поземельной общины» (р. 49). Вотъ это опредѣленіе: «община есть такой субъектъ права, который при единствѣ юридическаго основанія своего владѣнія распоряжается своею землею самостоятельно, по молчаливому или ясно выраженному согласію большинства отдѣльных семей, тотъ субъектъ составляющихъ» (р. 50). Крупная ошибка автора заключается въ томъ, что онъ считаетъ поземельную общину «чисто юридическимъ понятіемъ» (р. 49); между тѣмъ несомнѣнно, что въ это понятіе входитъ въ значительной дозѣ и *экономическій* элементъ. Вслѣдствіе допущенной ошибки, въ опредѣленіе поземельной общины, данное г. Благовѣщенскимъ, не попадаетъ такой характерный признакъ этой общины, какъ періодическіе передѣлы; это же опредѣленіе позволяетъ нашему автору отождествлять артель и общину; а между тѣмъ всякій согласится, что нужно строго различать эти двѣ формы общежитія. Кромѣ того, самъ авторъ колеблетъ свое опредѣленіе тѣмъ, что впадаетъ въ одно противорѣчіе. «Но помимо цѣлевой связи, говоритъ онъ, у общины необходимо должна быть и связь причинная; нужна наличность *единого происхожденія* членовъ общины, отъ воли ихъ не зависящая. Въ этомъ кроется различіе общины отъ общества.... членомъ поземельной общины надо родиться» (р. 50). Но если такъ, то артель или товарищество—не община, потому что члены артели не связаны между собой единствомъ происхожденія и членомъ артели вовсе не нужно родиться. Значитъ, съ одной стороны, артель и община—одно и то же, а съ другой—нѣтъ.

Болѣе правильнымъ я считаю взглядъ г. Качоровскаго, который называетъ четвертное землевладѣніе *общимъ* и строго отличаетъ его отъ *общиннаго*. Онъ указываетъ на то, что въ Россіи существуютъ двѣ формы общаго владѣнія: такъ назыв. четвертное землевладѣніе великороссійскихъ губерній и южное нѣмецко-колонистское. «.... Общее владѣніе остается неизмѣнно—долевымъ, неравномѣрнымъ, а общинное является (по принципу своему) подвижнымъ и пропорціонально-уравнительнымъ; при общемъ владѣніи коллективнаго права распоряженія, перераспредѣленія земли между членами-совладѣльцами нѣтъ, а въ общинномъ оно составляетъ основную функцію». «Общее владѣніе стоитъ какъ бы на распутьи между общиннымъ и личнымъ владѣніемъ»¹⁾.

Итакъ, сдѣланное г. Благовѣщенскимъ опредѣленіе поземельной общины должно быть признано невѣрнымъ и поэтому отвергнуто; непра-

¹⁾ К. Р. Качоровскій. „Русская община“. Т. I. СПб. 1900, pp. 75—76, 79 и 81—82.

вильно, значить, и его мнѣніе, будто у служилыхъ людей южной окраины, въ XVII в., была община. Какъ же назвать ихъ землевладѣніе? Хотя нашъ авторъ и протестуетъ противъ этого, я всетаки считаю вполне возможнымъ описанное на предыдущихъ страницахъ землевладѣніе назвать *сябриннымъ*. Напрасно г. Благовѣщенскій полемизируетъ съ И. Н. Миклашевскимъ по поводу значенія слова «сябры»; послѣдній справедливо говоритъ, что «сами служилые люди называютъ себя по отношенію къ землевладѣнію «сябрами» или «себрами», т. е. товарищами»¹⁾. Г. Благовѣщенскій называетъ это утверждение «положительно невѣрнымъ». «Во всѣхъ примѣрахъ, продолжаетъ онъ, приведенныхъ авторомъ (т. е. И. Н. Миклашевскимъ), за словомъ «сябры» слѣдуетъ постоянно (?) только двѣ фамиліи то-есть два ближайшихъ сосѣда по землѣ, и это понятно, такъ какъ полоса пахоты всегда лежитъ между двумя чужими полосами. Такимъ образомъ сябрами называются лишь *ближайшіе совладѣльцы*» (р. 450). Признаюсь, меня удивляетъ поклепъ, взводимый нашимъ авторомъ на И. Н. Миклашевскаго: въ книгѣ послѣдняго приведены отрывки изъ документовъ XVII ст., убѣдительно доказывающіе, что сябрами назывались не ближайшіе только совладѣльцы, но совладѣльцы вообще, всѣ члены товарищества²⁾. Мало убѣдительна и ссылка г. Благовѣщенскаго на 24 ст. Новгородской судной грамоты и на авторитетъ проф. Владимірскаго-Буданова: послѣдній подъ «шабрами» Новгородской судной грамоты разумѣетъ не ближайшихъ совладѣльцевъ, а вообще «совладѣльцевъ земли»³⁾. Г. Благовѣщенскій объясняетъ и этимологическій составъ слова «сябрь». «По всей вѣроятности, говоритъ онъ, слово сябры или себры (одного

¹⁾ Ор. cit., р. 192. Слово „сябрь“ значитъ собственно *сосѣдъ*. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время слово „шаберъ“ (тоже, что и сябрь: см. Новгород. судную грам., ст. 24: „а кто съ кѣмъ растяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы, или на *шабѣры*“....) употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ значеніи сосѣда: напр., въ Саратовѣ говорятъ: „жить въ шабрахъ“, т. е. жить по сосѣдству.

²⁾ Ор. cit., р. 192, прим. 2. Приведу еще отъ себя одинъ отрывокъ. „Да за нимъ же сверхъ его дачи и *себровъ* его примѣрные земли въ томъ же селѣ Мордовской Полянѣ—Шумаково тожъ—и съ тѣмъ, что въ деревнѣ Толстолужь“..... А. М. Ю. Курская исп. кн., № 925, л. 584.

³⁾ Отмѣчу кстати довольно крупное недоразумѣніе нашего автора во взглядѣ его на характеръ сябриннаго владѣнія пашней. Онъ говоритъ: „классическое выраженіе о владѣніи лѣсомъ и покосомъ „вопче съ прежними помѣщиками“ всюду (?) противопологается владѣнію пашней „черезъ межу съ прочими помѣщиками“, т. е. *владѣнію раздѣленному*“ (р. 450). Такимъ образомъ, г. Благовѣщенскій думаетъ, что у сябровъ было *раздѣльное* владѣніе пашней; очевидно, онъ смѣшиваетъ *пользованіе* съ владѣніемъ. Кромѣ того, приведенныя слова находятся въ противорѣчій съ „всевозможными переверстками“ земли, о которыхъ онъ говорилъ раньше (р. 59).

корня съ словомъ сербъ) произошло отъ корня безличнаго (?) мѣстоимѣнія «себя», откуда и слово «собственность» (р. 451)¹⁾.

Я думаю, что всякій, мало-мальски знакомый съ филологіей, прочитавъ эту цитату, только пожметъ плечами и на своемъ лицѣ изобразить крайнее недоумѣніе. И мы сдѣлаемъ тоже самое и не будемъ доказывать, что этимологическое объясненіе слова «сябрь», предложенное г. Благовѣщенскимъ, не согласно съ законами языка.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что члены земледѣльческихъ товариществъ называются въ документахъ XVII стол. сябрами; въ виду этого, мы имѣемъ полное право назвать ихъ землевладѣніе сябриннымъ.

Серьезному и, нужно сознаться, трудному вопросу о происхожденіи сябриннаго землевладѣнія г. Благовѣщенскій удѣляетъ нѣсколько мало продуманныхъ страницъ (pp. 29—41).

«Изученіе памятниковъ, говоритъ онъ, приводитъ насъ къ тому выводу, что въ срединѣ XVII вѣка владѣніе помѣстьемъ осуществлялось не вполне: тамъ, гдѣ жить еще было не безопасно, помѣстье продолжало лежать впустѣ и только числилось за испомѣщеннымъ, давая случайный доходъ или принося прямой убытокъ; тамъ же, гдѣ замиреніе края можно было считать поконченнымъ, начинала устанавливаться *материнская форма* владѣнія. Она носила въ себѣ, какъ въ зародышѣ, задатки *все-возможнѣйшихъ* формъ, и отъ окружающихъ условій зависѣли тѣ направленія, въ какихъ она развилась въ исторической дѣйствительности» (р. 29).

Терминъ «материнская форма» нашъ авторъ заимствовалъ, какъ онъ самъ заявляетъ объ этомъ, у г-жи Ефименко; но послѣдняя обозначаетъ этимъ терминомъ сябринное или, по ея выраженію, «долевое» землевладѣніе. Она говоритъ: «долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой»²⁾. Мысль г-жи Ефименко вполне ясна: изъ материнской формы, т. е. изъ долевого землевладѣнія развились *два* формы землевладѣнія—общинная и подворно-участковая. Материнская форма г. Благовѣщенскаго представляетъ изъ себя какую-то первоначальную матерію, носящую «въ себѣ, какъ въ зародышѣ, задатки всевозможнѣйшихъ формъ». Можно подумать, что этихъ формъ было нѣсколько десятковъ.

«Два *противоположные* элемента, продолжаетъ нашъ авторъ, вошли въ составъ этой материнской формы: мы уже ихъ знаемъ—это личное

¹⁾ Укажу еще на одинъ филологическій экспериментъ нашего автора. Онъ думаетъ, что названіе селенія Патепокъ (Щигровскаго у., Курской г.)—«вѣроятно, испорченное „по тѣ боки“ (р. 531, прим. 1). Приведенные примѣры наглядно показываютъ, какъ рискованно предпринимать путешествіе въ невѣдомую область, не собравши предварительно о ней какихъ-нибудь свѣдѣній.

²⁾ Изслѣдованія народной жизни, вып. 1, pp. 225—226.

испомѣщеніе (заимка), съ одной стороны, и неотчуждаемость по волѣ личности, съ другой» (р. 29). Значитъ, материнская форма—не что иное, какъ помѣстное землевладѣніе. Но, во-первыхъ, я не понимаю, почему авторъ считаетъ противоположными другъ другу два элемента, входившіе въ составъ этого землевладѣнія; во-вторыхъ, авторъ какъ будто забываетъ, что, кромѣ личнаго испомѣщенія, бывало и коллективное; это послѣднее особенно часто практиковалось на южной окраинѣ. Кромѣ того, нельзя говорить о полной неотчуждаемости помѣстій. Въ первой главѣ своей книги г. Благовѣщенскій особенно настаиваетъ на рѣзкой разницѣ между помѣстьями и вотчинами; во второй главѣ эта рѣзкость нѣсколько сглаживается. Авторъ упустилъ изъ виду, что, начиная съ половины XVI стол., разстояніе между вотчиной и помѣстьемъ все болѣе и болѣе сокращается: вотчина усваиваетъ себѣ черты помѣстья, а помѣстье воспринимаетъ отличительные признаки вотчины. Съ половины XVI стол., установлена была уложенная служба съ вотчинъ наравнѣ съ помѣстьями; неявка на службу влекла за собой конфискацію вотчинъ; право распоряженія вотчиной, какъ и помѣстьемъ, было ограничено. Около того же времени, утвердилось фактическое наслѣдованіе помѣстій; это, между прочимъ, видно изъ писцовыхъ книгъ. Въ XVII в. появляются понятія *родственнаго* (т. е. родового) и *выморочнаго* помѣстій; появленіе этихъ понятій указываетъ на то, до какой степени уменьшилось разстояніе между вотчиной и помѣстьемъ.

Такимъ образомъ, говоря о вотчинахъ и помѣстьяхъ въ XVII в., нельзя рѣзко противопоставлять одни другимъ, нельзя утверждать: «въ то время, какъ до вотчинъ московскимъ приказамъ почти не было никакого дѣла, за помѣстьями слѣдили въ Москвѣ зорко» (р. 5).

Материнская форма съ теченіемъ времени измѣнилась подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ условій, созданныхъ болѣе продолжительнымъ миромъ и увеличеніемъ народонаселенія. «Миръ давалъ возможность долѣ оставаться на одномъ мѣстѣ, насиживать его; увеличеніе народонаселенія давало возможность завоевать землю сохой или топоромъ» (р. 2). Въ материнскую форму землевладѣнія входятъ два новыхъ, въ высшей степени важныхъ, элемента: 1) право наслѣдованія и 2) качественное и количественное уравненіе унаслѣдованныхъ земель и угодій (р. 38). Эти элементы были внесены законодательствомъ; впрочемъ, второй элементъ (количественное и качественное уравненіе земель) былъ внесенъ «отчасти правительственнымъ (?) законодательствомъ, отчасти самопроизвольно» (рр. 40—41). Значитъ, по мнѣнію г. Благовѣщенскаго, та форма землевладѣнія, которую мы видимъ у служилыхъ людей южной окраины въ XVII в., была въ значительной степени созданіемъ правительства. Съ этимъ нельзя согласиться. Наслѣдованіе помѣстій и качественное уравненіе земель, эти важные, существенные элементы, вошедшіе впоследствии въ материнскую форму землевладѣнія, получили жизнь не по волѣ

правительства. Мы уже знаемъ, что наслѣдованіе помѣстій утвердилось гораздо раньше, чѣмъ думаетъ авторъ, именно въ половинѣ XVI стол., и утвердилось не законодательнымъ путемъ. Мнѣніе г. Благовѣщенскаго о томъ, что правительство ввело качественное уравниеніе земель, основано на неправильномъ толкованіи выраженія, попадающагося въ нѣсколькихъ статьяхъ XVI главы Уложенія 1649 г.—«изверстать живущее и пустое *повытно* по четвертямъ»: «выраженіемъ *повытно*, думаетъ онъ, правительство требовало *качественнаго* уравниенія почвы» (р. 37). Но вытъ въ словѣ «повытно» вовсе не обозначаетъ окладной единицы, какъ утверждаетъ нашъ авторъ (рр. 37—38), а имѣетъ значеніе части, доли. Въ виду этого я перевожу упомянутое выраженіе такъ: «раздѣлить живущее и пустое *на части* по четвертямъ», т. е. сообразно съ количествомъ четвертей.

Итакъ, сябринное землевладѣніе южной окраины не явилось результатомъ законодательной работы Московскаго правительства; въ частности правительство вовсе не требовало качественного уравниенія земель; а если такъ, то соображенія нашего автора о возникновеніи договорнаго начала въ родовыхъ общинахъ должны быть признаны неправильными. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: правительство требовало качественного уравниенія земель, результатомъ чего явилась черезполосица, а черезполосица породила соглашеніе, договоръ (р. 44); но такъ какъ правительство и не думало требовать качественного уравниенія земель, то, значить, не было и черезполосицы; а если не было черезполосицы, то не могъ возникнуть и договоръ. Между тѣмъ мы знаемъ, что черезполосица существовала; чѣмъ же объясняется ея происхожденіе? она явилась результатомъ соглашенія, договора. Значить, и въ родовыхъ общинахъ основаніемъ поземельныхъ отношеній нужно считать договоръ.

Что касается разнофамильной и многодворной общинъ, то ихъ внутренніе распорядки, ихъ организацію г. Благовѣщенскій всецѣло строитъ на соглашеніи, на договорѣ. Только мотивы соглашенія онъ указываетъ различныя для этихъ общинъ. Возникновеніе договора въ разнофамильной общинѣ онъ объясняетъ «хозяйственнымъ интересомъ» (рр. 51—52); но вѣдь интересъ этотъ могъ имѣть силу и въ двухъ другихъ общинахъ—родовой и многодворной. Въ многодворной общинѣ соглашеніе состоялось подъ давленіемъ трехъ условій: 1) самаго способа испомѣненія, именно отвода земли на цѣлую группу служилыхъ людей, 2) «всей обстановки украинской жизни», полной опасностей, и 3) казацкаго вліянія (рр. 64—66).

Конечно, коллективное испомѣненіе объединяло служилыхъ людей, но странно думать, что оно «устанавливало *единство основанія владѣнія*; а стало-быть, создавало общину» (р. 64): вѣдь у всѣхъ помѣщиковъ было одно основаніе владѣнія землями, потому что всѣ они получали ихъ на помѣстномъ правѣ.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что «вся обстановка украинской жизни была такова, что требовала совмѣстной организованной дѣятельности болѣе или менѣе значительныхъ по своей величинѣ товариществъ» (р. 65); непонятно только, почему онъ ограничиваетъ сферу вліянія этой обстановки многодворными общинами: обстановка эта, само собой разумѣется, была одинакова для всѣхъ, селившихся на южной окраинѣ, и на всѣхъ вліяла въ одномъ направленіи.

Что касается мнѣнія о казацкомъ вліяніи, то оно должно быть обосновано, обставлено фактами, а не висѣть на воздухѣ, какъ это мы видимъ у г. Благовѣщенскаго (р. 66). Итакъ, г. Благовѣщенскій мало выясняетъ вопросъ о происхожденіи сябриннаго землевладѣнія на южной окраинѣ. Мнѣ кажется, ошибка его главнымъ образомъ заключается въ томъ, что онъ, при разрѣшеніи этого вопроса, все свое вниманіе сосредоточилъ на югѣ и не захотѣлъ посмотрѣть, какова была господствующая форма землевладѣнія въ другихъ частяхъ Руси.

Извѣстно, что первое ясное свидѣтельство о сябринномъ землевладѣніи мы находимъ въ Псковской Судной грамотѣ, памятникъ XV в.; быть можетъ, оно существовало и раньше, но у насъ нѣтъ относительно этого документальныхъ данныхъ. Въ XVI и XVII столл., сябринное землевладѣніе, въ основѣ котораго лежитъ договоръ, артельное начало, достигаетъ значительнаго развитія на сѣверѣ, а также въ Новгородской и Псковской областяхъ. Но артельное начало не ограничивается сферой сельско-хозяйственной промышленности—оно проникаетъ и въ другія области народно-экономической жизни; артельная организація становится излюбленной, привычной формой, въ которую отливаются разныя торгово-промышленныя предприятия.

На сѣверѣ организуются артели для добычи соли. На югѣ извѣстно сябринное владѣніе мельницами ¹⁾. Мы знаемъ также, что въ Тамбовскомъ краѣ, въ XVII в., существовали артели, которыя эксплуатировали бортныя ухажья и рыбныя ловли ²⁾. Образовывались артели и съ тою цѣлью, чтобы брать на откупъ таможенныя и другія пошлины, или чтобы вести торговлю въ сибирскихъ городахъ ³⁾.

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что артельное начало, артельная организація достигаютъ, въ XVI и XVII столл., значительнаго развитія въ Московскомъ государствѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что служилые люди, поселенные на южной окраинѣ, воспользовались именно артельной формой для эксплуатаціи своихъ земель и угодій. Не нужно при этомъ забывать и тѣхъ условій, которыя благо-

¹⁾ *Op. cit.* П. Н. Миклашевскаго, р. 193, прим. 1.

²⁾ П. Н. Николевъ. Матеріалы, относ. къ исторіи Тамбовскаго края. Вып. 1. Тамбовъ. 1884, pp. 18, 21, 27—28, 31—32, 34 и др.

³⁾ Акты, относ. до юрид. б. др. Рос., I, №№ 111 и 121.

пріятствовали этой формѣ; условія эти слѣдующія: 1) испомѣщеніе въ однихъ урочищахъ, невольно-сближавшее служилыхъ людей, и 2) частые набѣги «воинскихъ людей» и воровскихъ черкасъ, дѣйствовавшіе въ томъ же направленіи. Ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, что упомянутыя условія *создали* сябринное землевладѣніе на южной окраинѣ: они лишь *содѣйствовали* его возникновенію; основной причиной его появленія на югѣ нужно признать значительное развитіе, широкое распространеніе артельного начала, артельной организаціи въ Московскомъ государствѣ.

3. Однодворцы въ XVIII и XIX столл.

Исторія однодворцевъ въ XVIII в. изображается г. Благовѣщенскимъ исключительно на основаніи Полнаго Собранія законовъ; это—не исторія въ собственномъ смыслѣ, а лишь обзоръ законодательства объ однодворцахъ; авторъ излагаетъ и подвергаетъ оцѣнкѣ нѣсколько указовъ Петра I и Екатерины II, указовъ, имѣвшихъ, правда, важное значеніе для однодворцевъ, оказавшихъ значительное вліяніе на складъ ихъ жизни. Но мы не видимъ тѣхъ измѣненій, тѣхъ движеній, которыя происходили въ однодворческой средѣ помимо законодательнаго воздѣйствія и которыя, напротивъ, сами вліяли на законодательство, на его характеръ и направленіе. Г. Благовѣщенскій справедливо указываетъ на то, что въ нашемъ распоряженіи нѣтъ такихъ документовъ, на основаніи которыхъ можно было бы возстановить исторію однодворческой жизни въ XVIII стол. (р. 100): дѣйствительно, такихъ документовъ нѣтъ въ печати; такіе документы лежатъ въ архивахъ. Укажу для примѣра на хранящіеся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи ландратскія книги, составленныя не задолго до первой ревизіи. Эти книги, во-первыхъ, заключаютъ въ себѣ очень богатый, очень цѣнный матеріалъ для *статистики* населенія: въ нихъ поименно и съ показаніемъ лѣтъ cadaго перечисляются не только мужчины, но и женщины, не только взрослые, но и малолѣтніе; во-вторыхъ, упомянутыя книги обрисовываютъ *экономическое положеніе* жителей: въ нихъ мы находимъ свѣдѣнія о земельномъ обезпеченіи населенія и лежавшемъ на немъ податномъ бремени; въ третьихъ, онѣ содержатъ въ себѣ данныя о *соціальному составѣ* населенія. Для основательнаго изученія этихъ книгъ потребуется не одинъ годъ.

Мнѣ удалось просмотрѣть одну ландратскую книгу по Курской губ.¹⁾ Я и постараюсь сейчасъ изложить заключающіяся въ ней свѣдѣнія объ однодворцахъ.

Прежде всего посмотримъ, какія подати взимались съ однодворцевъ.

Самая главная подать—это такъ назыв. «однодворческій окладъ»; она взималась съ двора, и размѣры ея находились, по всей вѣроятности,

¹⁾ Всего по Курской губ. сохранилось 5 или 6 очень толстыхъ книгъ.

въ зависимости отъ степени матеріальнаго благосостоянія каждаго двора. Приведу для примѣра слѣдующую табличку, въ которой показаны: количество земли за каждымъ дворомъ, населеніе двора и размѣры «однодворческаго оклада».

Колич. земли	Населеніе	„Однодворч. окладъ“	Колич. земли	Населеніе	„Однодворч. окладъ“
87 чтв.	27 чел.	3 р. 20 а. — д.	50 чтв.	15 чел.	1 р. 23 а. 2 д.
70 »	18 »	3 » 20 » — »	20 »	15 »	1 » 16 » 4 »
95 »	15 »	2 » 30 » — »	90 »	15 »	1 » 1 » 4 »
60 »	11 »	2 » 30 » — »	70 »	10 »	— » 26 » 4 »
60 »	19 »	2 » 16 » 4 »	10 »	11 »	— » 26 » 4 »
50 »	11 »	2 » 16 » 4 »	35 »	5 »	— » 23 » 2 »
60 »	14 »	2 » — » — »	15 »	9 »	— » 20 » — »
56 »	21 »	1 » 30 » — »	20 »	4 »	— » 16 » 4 »

Изъ этой таблички видно, что величина «однодворческаго оклада» не обуславливалась ни количествомъ земли, ни населенностью двора; какъ я уже сказалъ, она, вѣроятно, зависѣла отъ степени матеріальнаго благосостоянія двора.

Кромѣ «однодворческаго оклада», съ каждаго двора взымались еще слѣдующія, сравнительно мелкія, подати:

За рыб. ловлю	Полон- ныя	На почт. станы Кіев. г.	Приказ. людямъ	На жал. ландр. и др.	Вмѣсто ландрат. провіант.	Окладной провіантъ	Всего съ 1 двора
6 д.	2 д.	10 д.	2 д.	3 а. 2 д.	2 а.	$\frac{1}{2}$ осм. ржи, $\frac{1}{2}$ осм. овса	8 а. 4 д., 1 осм. ржи и овса.

Эти подати взымались съ каждаго двора въ одинаковыхъ размѣрахъ, независимо отъ его экономическаго состоянія. Обложены были также ульи съ пчелами, мельницы, домовыя бани, винокуренные кубы и казаны¹⁾.

Въ ландратскихъ книгахъ описаніе расположено по приходамъ; каждый приходъ состоитъ обыкновенно изъ села и нѣсколькихъ деревень. Просмотрѣнная мною книга содержитъ въ себѣ описаніе 13 приходовъ.

¹⁾ Казань—большой винокуренный котель съ колпакомъ.

Данные объ однодворцах этихъ приходовъ могутъ быть сведены въ такую таблицу:

Приходы	Колич. двор.	Насел. муж. п.	Насел. жен. п.	Количество земли	Колич. ульевъ	„Одн. дворч. окладъ“
1	158	807	834	7,692 чтв.	236	213 р. 28 а. — д.
2	87	488	529	4,548 »	78	108 » 5 » — »
3	89	442	474	2,785 ¹ / ₂ »	169	101 » 4 » 2 »
4	80	393	407	5,002 ¹ / ₂ »	69	96 » 28 » 4 »
5	107	515	430	5,430 ² / ₃ »	31	138 » 8 » 2 »
6	21	135	130	1,087 ¹ / ₂ »	40	29 » 23 » 2 »
7	21	111	99	1,171 ³ / ₄ »	3	26 » 3 » 2 »
8	12	60	67	368 ¹ / ₂ »	20	15 » 25 » — »
9	39	186	199	1,608 »	5	42 » 15 » — »
10	27	109	124	1,366 »	32	29 » 8 » 2 »
11	3	14	19	125 »	—	3 » 8 » 2 »
12	26	125	131	1,258 ¹ / ₂ »	—	36 » 28 » 2 »
13	27	140	137	774 »	42	36 » 12 » 2 »
Итого	697	3,525	3,580	33,217¹¹/₁₂ чтв.	725	877 р. 31 а. 4 д.

Остановимся нѣсколько на этой таблицѣ.

Прежде всего мы видимъ, что населенность двора довольно значительна: на каждый дворъ приходится среднимъ числомъ 10,2 чел.; можно предполагать, что однодворцевъ заставлялъ скучиваться въ одномъ дворѣ именно «однодворческий окладъ». Земли у однодворцевъ было вполне достаточное количество: на одинъ дворъ приходится въ среднемъ 47,65 чтв. въ одномъ полѣ, а на одного человека—4,67 чтв. или 7 дес. въ 3 поляхъ. Податное бремя, лежавшее на однодворцахъ, слѣдуетъ признать довольно легкимъ: въ самомъ дѣлѣ, на каждый дворъ приходится приблизительно 1,25 руб. «однодворческаго оклада»; сюда нужно присоединить еще 8 а. 4 д. другихъ податей—выходить всего около 1 р. 50 коп. съ двора, или 30 коп. съ души. Припомнимъ, что въ послѣдствіи, съ 1724 г., однодворцы должны были платить 1 р. 14 коп. съ души, т. е. почти въ четыре раза больше.

Итакъ, экономическое положеніе однодворцевъ упомянутыхъ 13 приходовъ въ общемъ должно быть признано удовлетворительнымъ; конечно, были среди нихъ исключенія, попадались малоземельные и даже безземельные. Приведу нѣсколько примѣровъ. Про одного однодворца сказано: «скуденъ; скоту никакова нѣтъ; живетъ въ землянкѣ; кормитца, зарабатывая въ людехъ» (за нимъ земли 1 чтв.); про другого: «скуденъ; лошадей и никакого скоту нѣтъ; кормитца, зарабатывая въ людехъ и прося милостину» (за нимъ помѣстной земли 2¹/₂ чтв.); или: «помѣсной за нимъ земли и никакихъ заводовъ нѣтъ.... двора и пожитковъ нѣтъ; кормитца, зарабатывая въ людехъ». Но такихъ бѣдняковъ вообще было очень мало.

У нѣкоторыхъ однодворцевъ мы видимъ дворовыхъ людей: такъ, у одного ихъ было 66 чел.

Изъ предыдущаго, мнѣ кажется, видно, какъ много любопытныхъ данныхъ можно найти въ ландратскихъ книгахъ; если собрать и изучить всѣ эти данныя, то можно придти къ очень интереснымъ выводамъ и широкимъ обобщеніямъ; и нужно только пожалѣть, что книги эти остались неизвѣстны г. Благовѣщенскому, у котораго, какъ я упомянулъ выше, вся исторія однодворцевъ въ XVIII в. сводится къ нѣсколькимъ указамъ Петра I и Екатерины II.

Разбирая указъ 22 января 1719 г. о составленіи сказокъ, нашъ авторъ удивляется тому, что правительство игнорировало однодворческую общину, несомнѣнно существовавшую (по мнѣнію г. Благовѣщенскаго), и предписывало составлять и подавать сказки *каждому* однодворцу «о себѣ, о дѣтяхъ, внукахъ и родственникахъ своихъ мужскаго пола» (р. 92). Въ то время какъ «въ дворцовыхъ и прочихъ государевыхъ селахъ подъ сказками прикладывали руки приказчики и съ ними тѣхъ вотчинъ старосты и выборные люди», у татаръ и ясачныхъ сказки принимались «за знаменами старость и выборныхъ ихъ людей» — каждый однодворецъ самъ долженъ былъ составлять сказку и скрѣплять ее только своей подписью (р. 96). Приведу, въ видѣ примѣра, однодворческую сказку.

«1719 г. мая въ « » день въ Курску въ правинской канцеляріи передъ господиномъ комисаромъ Ѳеодоромъ Аѳанасьевичемъ Бѣхтѣевымъ, Курскаго уѣзду Подгородного стану села Рождественскаго, что на Немчи, однодворецъ солдацкаго чину Давыдъ Лукьяновъ сынъ Меркуловъ сказалъ по святѣй непорочной евангельской заповѣди Господни еже ей-ей въ правду: отъ роду мнѣ, Давыду, 80 л., у мене сынъ Борисъ 22 л. И въ сей своей скаски я, Давыдъ, написалъ самую истину, не утоя ни единые мужска полу души; а буде я изъ мужска полу кого утотилъ и въ сію сказку не написалъ, а послѣ того отъ комисаровъ, которые ради армейскихъ полковъ расположенія и свидѣтельствванія душъ опредѣлены будутъ, или отъ доносителей въ томъ обличенъ буду, и великій государь указалъ бы за то учинить мнѣ жестокое наказаніе — бить кнутомъ нещадно да сверхъ того за всякую утоенную душу изъ двора моего взять лутчего человѣка въ солдаты не въ зачетъ положенныхъ рекрутъ. Къ сей сказки Курченинъ Семень Евдокимовъ вмѣсто Давыда Меркулова по ево велѣнью руку приложилъ»¹⁾. Г. Благовѣщенскій допускаетъ, что «въ первой четверти XVIII вѣка у однодворцевъ мѣстами могло еще не быть общины. . . Правительство не ошибалось, когда поручало составленіе сказокъ «каждому» однодворцу, ибо не видѣло еще выборнаго представителя родовой общины; но эта безопытность оправдывалась лишь по отношенію къ сѣверному однофамильному типу однодворческихъ селеній. Тамъ по-южнѣй, поближе къ Бѣлгород-

¹⁾ А. М. Ю. Книга Курск. у. 1-ой ревизіи, 1719 г., № 2, л. 18.

ской чертъ и за чертой, гдѣ была распространена многодворная заимка «съ товарищи», ошибка со стороны законодателя была, повидимому, очевидной: тамъ давно были выборные «атаманы» или «осадчіе» или просто повѣренныя, «выборные» отъ міра. Кромѣ того, всѣ околородныя слободы: Казацкія, Стрѣлецкія, Ыздоцкія, Драгунскія, Пушкарныя, какъ состоящія изъ значительнаго числа дворовъ, давно уже имѣли своихъ выборныхъ. И врядъ ли составленіе сказокъ въ такихъ слободахъ могло произойти мимо ихъ» (р. 96, ср. р. 66). Мнѣніе г. Благовѣщенскаго о томъ, что во многихъ однодворческихъ селеніяхъ существовали выборные власти—атаманы, старосты—не подкрѣпляется, къ сожалѣнію, никакими документальными данными и поэтому должно быть оставлено подъ большимъ сомнѣніемъ. Увѣренный въ существованіи однодворческой общины и желая въ то же время истолковать предписанный правительствомъ способъ составленія сказокъ однодворцами, способъ, предполагающій отсутствіе общинной организаціи у этихъ послѣднихъ, нашъ авторъ предлагаетъ столь туманное объясненіе, что я рѣшительно не въ силахъ понять его мысль (р. 97). Мнѣ кажется, туманность объясненія лучше всего доказываетъ его несостоятельность. Я думаю, что способъ составленія сказокъ однодворцами лишній разъ доказываетъ, что у нихъ не было земельной общины. Однако съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разныхъ условій, сябринное землевладѣніе однодворцевъ стало превращаться въ общинное. Нашъ авторъ справедливо относитъ начало этого процесса къ эпохѣ Петра Великаго, когда, какъ извѣстно, однодворцы были положены въ подушный окладъ и связаны были круговой порукой въ платежѣ этого оклада. «... Установленіе круговой поруки, говоритъ г. Благовѣщенскій, должно было сплотить однодворцевъ въ общину» (р. 102). «Петръ Великій не подозрѣвалъ, конечно, что учрежденіе подушной подати послужитъ главнымъ шагомъ по пути къ душевому поравненію» (р. 104).

Вскорѣ послѣ смерти Петра I, въ 1727 г., однодворческія земли были признаны неотчуждаемыми (р. 103). Нельзя, конечно, думать, что перечисленныя мѣропріятія создали у однодворцевъ общину; они лишь положили начало процессу превращенія сябриннаго землевладѣнія въ общинное. Процессъ этотъ далеко еще не закончился: до сихъ поръ, какъ извѣстно, очень многіе однодворцы владѣютъ землей на четвертномъ правѣ ¹⁾.

Обозрѣвъ законодательство Петра Великаго объ однодворцахъ, г. Благовѣщенскій прямо переходитъ къ царствованію Екатерины II и разбираетъ Межевую инструкцію (IV гл., pp. 123—131); но сначала онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ исторіи русскаго землемѣренія (pp. 108—122). Эти страницы нужно признать самыми слабыми во всей книгѣ:

¹⁾ См. ст. Н. А. Благовѣщенскаго, „Своеобразный институтъ у однодворцевъ“ въ В. Е. за 1900 г., кн. X, р. 678.

авторъ обнаруживаетъ здѣсь поразительное незнакомство съ литературой предмета, результатомъ чего является обиліе *фактическихъ* ошибокъ. Укажу нѣкоторыя изъ нихъ. Авторъ думаетъ, что земля *измѣрялась* обжами (р. 111). Четверть, по его мнѣнію, была введена Иваномъ Грознымъ не ранѣе 1555 г. (pp. 111—112)¹⁾. Первое упоминаніе о десятинѣ онъ относитъ къ 1494 г. (р. 111), тогда какъ извѣстно, что она впервые упоминается въ документѣ, относящемся къ 1391 г.²⁾ Невѣрно также его утвержденіе, что веревка опредѣленной длины для измѣренія земель «была введена, повидимому, только писцовымъ наказомъ царевичей» (р. 114); извѣстіе о веревкѣ мы находимъ, напр., въ книгѣ сошнаго письма 1629 г.³⁾ Нашъ авторъ обнаруживаетъ поверхностное знакомство и съ писцовыми книгами, увѣряя, что «въ нихъ вписывались *все прежніе акты укрѣпленія*» (р. 114); какъ извѣстно, было нѣсколько типовъ писцовыхъ книгъ.

Въ виду грубыхъ ошибокъ автора, изобличающихъ его незнакомство съ предметомъ, нельзя серьезно относиться къ его выводамъ, нѣтъ также надобности подвергать ихъ критическому разбору.

Всякій, занимавшійся вопросомъ о древне-русскомъ землеизмѣреніи, знаетъ всю его сложность, знаетъ, что изслѣдователь долженъ быть очень осмотрительнымъ и осторожнымъ. Г. Благовѣщенскій, повидимому, не сознаетъ всей трудности и запутанности изслѣдуемаго имъ вопроса и потому дѣйствуетъ очень рѣшительно, очень смѣло: вмѣсто того, чтобы распутывать гордіевы узлы, онъ ихъ разрубаетъ.

Переходимъ къ законодательству Екатерины II объ однодворцахъ. Какъ я уже сказалъ, авторъ останавливается главнымъ образомъ на Межевой инструкціи. Разматривая тѣ ея пункты, которые относятся къ однодворцамъ, онъ приходитъ къ справедливому заключенію, что они должны были способствовать процессу превращенія четвертнаго земле-владѣнія въ общинное; первые примѣры такого превращенія относятся именно къ царствованію Екатерины II, къ 80-мъ г.г. XVIII стол. (pp. 129, ср. р. 527).

Исторію однодворцевъ въ XIX в. авторъ излагаетъ уже не на основаніи Полнаго Собранія Законовъ, а по другому источнику. «Исторію четвертнаго права въ XIX столѣтіи, говоритъ онъ, мы намѣрены излагать преимущественно на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ земскими статистиками. Всѣ другіе источники будутъ служить намъ лишь провѣркой матеріала, представляемаго земскою переписью» (р. 132). Вслѣдствіе перемѣны источника изложеніе автора дѣлается болѣе подробнымъ и, нужно сознаться, болѣе интереснымъ: мы

¹⁾ См. „Спорные вопросы финанс. ист. Москов. гос.“ П. Н. Миллюкова, р. 63.

²⁾ Ibid., р. 59, примѣч. Я цитирую эту работу по зап. А. Н., т. LXX.

³⁾ См. Врем. О. И. и Д., кн. XVII. М. 1853.

получаемъ возможность слѣдить за тѣми движеніями, которыя происходили въ дворянской средѣ; эти движенія вызывались главнымъ образомъ очень существеннымъ для многихъ дворянъ вопросомъ о переходѣ съ четвертей на души, о разверсткѣ земли не по четвертямъ, а по ревизскимъ душамъ. Почва для такихъ переходовъ, какъ мы знаемъ, была уже подготовлена въ XVIII в.; къ концу этого вѣка относятся и первые случаи переходовъ съ четвертей на души; но большая часть ихъ падаетъ на 30-е, 40-е и 50-е годы XIX стол. На основаніи изученія матеріала, собраннаго земскими статистиками, авторъ говоритъ, что «наблюдается три ближайшихъ повода къ осуществленію поравненій, а именно: 1) переобролка земли при гр. Киселевѣ и связанныя съ нею воздѣйствія окружныхъ начальниковъ; 2) специальное размежеваніе, обыкновенно перепутывающее исконно-родовой счетъ наслѣдственныхъ долей, и 3) прирѣзка земли со стороны или распанка общихъ угодій» (р. 137). Но это все только *поводы*. Одной изъ главныхъ *причинъ* перехода съ четвертей на души авторъ считаетъ малоземелье (см., напр., pp. 417 и 477); а это послѣднее является результатомъ естественнаго прироста населенія (р. 241). «Проведите послѣдовательно, говоритъ г. Благовѣщенскій, наслѣдственное право дворянъ, что получится въ концѣ концовъ? Съ одной стороны, два—три широкодачка, туго плодящихся, съ другой—99% «вышедшихъ изъ земли», т. е. такихъ домохозяевъ, наслѣдственная доля коихъ выражается двѣнадцатыми долями десятины» (р. 136, ср. р. 240). Другой причиной превращенія четвертного землевладѣнія въ общинное слѣдуетъ признать «затруднительность четвертной формы при чрезмѣрно крупныхъ селеніяхъ»—говоря иначе: «чѣмъ крупнѣе селеніе, тѣмъ оно больше стремится къ душевому поравненію» (р. 392 и 477, прим. 1). Объясняется это тѣмъ, что въ крупныхъ поселеніяхъ очень трудно бываетъ производить расчетъ по четвертямъ. Впрочемъ не всегда наличность двухъ упомянутыхъ условій—малоземелья и громадности поселеній—вызываетъ переходъ съ четвертей на души. Какъ на примѣръ этого, можно указать на Старооскольскій уѣздъ (Курской губерніи): здѣсь мы видимъ и малоземелье, и очень крупныя селенія, но почти не видимъ переходовъ съ четвертей на души (pp. 477—478). Авторъ отказывается объяснить это исключеніе.

Любопытно, что во многихъ дворянскихъ селеніяхъ, перешедшихъ съ четвертей на души, не сразу вся земля была разверстана по ревизскимъ душамъ; прежде всего душевому раздѣлу подвергались земли переселенцевъ, вымершихъ дворовъ, земли «отеужденныя», т. е. доставшіяся по суду, роспаша изъ-подъ лѣса и выгона; значитъ, часть земель разверстывалась по-старому—по четвертямъ, а часть—по душамъ; создавалась переходная форма землевладѣнія, которую рязанскій статистикъ В. Н. Григорьевъ назвалъ душево-четвертной (см. pp. 144, 392 и др.). Я склоненъ думать, что эта переходная форма была той ступенью,

черезъ которую обязательно должны были перешагнуть однодворцы, прежде чѣмъ перейти съ четвертей на души.

Я изложилъ главные выводы г. Благовѣщенскаго по вопросу объ условіяхъ перехода однодворцевъ съ четвертей на души; нельзя не признать этихъ выводовъ въ общемъ вѣрными; быть можетъ, со временемъ, когда будетъ детально изучено однодворческое землевладѣніе въ другихъ губерніяхъ (кроме Орловской, Тамбовской и Курской), придется только внести въ эти выводы кое-какія поправки.

Центромъ тяжести своей работы г. Благовѣщенскій считаетъ историческую часть, историческую половину (р. 266); вотъ почему мы подвергли ее довольно подробному разбору. Что касается второй половины его изслѣдованія, посвященной разработкѣ мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій по тремъ губерніямъ—Тамбовской, Орловской и Курской, то я не считаю особенно нужнымъ входить въ подробности при ея разсмотрѣніи, а ограничусь общими замѣчаніями.

И во второй половинѣ разбираемой книги историческій элементъ играетъ важную роль: авторъ излагаетъ исторію заселенія каждаго уѣзда—спрашивается, по какимъ источникамъ? Исторія колонизаціи пяти уѣздовъ Курской губерніи (Вѣлгородскаго, Старооскольскаго, Новооскольскаго, Валуйскаго и Путивльскаго) достаточно подробно изложена въ работѣ И. Н. Миклашевскаго «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства»—и г. Благовѣщенскому оставалось только воспользоваться выводами этого изслѣдователя. Что касается остальныхъ уѣздовъ Курской губерніи, а также всѣхъ уѣздовъ Тамбовской и Орловской губерній, то для выясненія исторіи ихъ колонизаціи авторъ пользовался почти исключительно тѣми матеріалами, которые находятся въ земско-статистическихъ сборникахъ¹⁾. Какіе-же это матеріалы? Всѣ эти матеріалы можно разбить на три группы: 1) небольшое количество старинныхъ документовъ, найденныхъ на мѣстахъ земскими статистиками; конечно, это цѣнный матеріалъ—и нужно только благодарить земскихъ статистиковъ за то, что они сохранили его для науки; къ сожалѣнію, такихъ документовъ немного; 2) современные названія и вообще современное положеніе поселеній; 3) преданія, живущія среди однодворцевъ. Двумя послѣдними источниками, особенно вторымъ, нашъ авторъ пользуется очень широко. Я считаю эти источники не совсѣмъ надежными и думаю поэтому, что пользоваться ими нужно съ крайней осторожностью; несоблюденіе этого правила заставляетъ нашего автора впадать въ ошибки; приведу два—три примѣра. Село Питерское (Моршанскаго уѣзда, Тамбовской г.) принадлежало, по сло-

¹⁾ Для Фатежскаго уѣзда (Курской губ.) авторъ, кроме того, имѣлъ въ рукахъ поименныя приложенія къ владѣннымъ записямъ (р. 149).

вамъ г. Благовѣщенскаго, монастырю; но изъ Тамбовской писцовой книги 1678 г. видно, что это было дворцовое село, входившее въ составъ Верхоценской волости¹⁾. «С. Серповое (нынѣ 379 дв.) и въ то время (т. е. во второй половинѣ XVII стол.) считалось уже не тяглымъ, а служилымъ: оно высылало на Донъ по 416 (?) человѣкъ» (р. 286). Изъ той-же писцовой книги мы узнаемъ, что въ селѣ Серповомъ было 120 дворовъ да 5 бобыльскихъ и 2 пустыхъ; людей вытчиковъ 123, въ тягло поспѣло 57, недорослей 206, на Донъ послано 26 чел., увѣчныхъ 4, всѣхъ: 416 чел.²⁾; значить, село Серповое—не служилое, а тяглое, дворцовое (Верхоценской-же волости). Про село Ольховецъ (Лебедянскаго у.) авторъ говоритъ, что жители его помнятъ, что ихъ предки были казаками; «конечно, добавляетъ онъ, это были *городовые* казаки, приписанные къ Лебедяни» (р. 310). Въ Лебедянской писцовой книгѣ 1627—28 г.г. упоминаются въ уѣздѣ три слободы *полковыхъ* казаковъ и въ томъ числѣ слобода Ольховская (позднѣйшее село Ольховецъ), въ которой было 50 дворовъ³⁾. Ошибокъ, подобныхъ сейчасъ приведеннымъ, можно найти у г. Благовѣщенскаго не мало. Нерѣдко также авторъ прибѣгаетъ къ предположеніямъ, большею частью ни на чемъ не основаннымъ. «Въ 32 общинахъ (Темниковскаго уѣзда), говоритъ онъ, насчитано 1,343 двора при 4,254 мужчинахъ и 4,127 женщинахъ. Въ среднемъ на одну общину приходится 42 двора; наикрупнѣйшая четвертная община имѣетъ всего лишь 152 двора. Это указываетъ на *преобладаніе* однофамильной заимки, и дѣйствительно изслѣдователи отмѣтили *нѣсколько* общинъ, происшедшихъ отъ одного родоначальника и носящихъ поднесъ одну фамилію» (р. 276, ср. р. 378). Непонятно, почему средняя цифра въ 42 двора непременно должна указывать на «преобладаніе однофамильной заимки», тѣмъ болѣе что и земскіе статистики отмѣтили лишь нѣсколько поселеній, происшедшихъ отъ единого родоначальника; эта средняя цифра свидѣтельствуетъ, пожалуй, о томъ, что поселенія произошли отъ небольшого числа заимщиковъ: напр., отъ двухъ, трехъ, четырехъ. Изъ того обстоятельства, что современное поселеніе сплошь состоитъ изъ однофамильцевъ, далеко не всегда, думается мнѣ, можно выводить заключеніе о происхожденіи его отъ одного заимщика: основателями такого поселенія могли быть нѣсколько близкихъ родственниковъ.

На стр. 467 авторъ говоритъ: «наконецъ въ 11 селеніяхъ (Бѣлгородскаго уѣзда) менѣе ста дворовъ, причемъ въ 5—отъ 74 до 99, въ двухъ 64 и 57, въ х. Лахтенкѣ, очевидно однофамильнымъ (?)—46, въ с. Долбинѣ, также, по всей вѣроятности, однофамильнымъ (?)—42»..... Въ данномъ случаѣ рискованно говорить объ очевидности и даже вѣроятности. Къ

¹⁾ „Лѣтопись занятій Арх. ком.“, вып. IV, р. 40.

²⁾ Ibid., р. 43.

³⁾ А. М. Ю. Писцов. кн. по Лебедяни и Донкову, № 229.

такимъ приѣмамъ нашъ авторъ прибѣгаетъ довольно часто, чтобы опредѣлить форму заимки; и, мнѣ кажется, благодаря именно такимъ приѣмамъ онъ приходитъ къ заключенію о значительной распространенности однофамильной заимки. Подобными-же приѣмами часто пользуется авторъ и для рѣшенія вопроса о томъ, кто были жители извѣстнаго поселенія—служилые или несслужилые люди. На стр. 320 мы читаемъ: «мы видѣли, что сосѣднія селенія владѣютъ по душамъ, и, по замѣчанію мценскихъ изслѣдователей, владѣютъ такъ издавна. По моему же, въ нихъ во всѣхъ было четвертное владѣніе, какъ и у остальныхъ однодворческихъ селеній Тельчинской волости (Мценскаго уѣзда). Въ самомъ дѣлѣ, такія названія, какъ Колинѣева, Дежкина, Сони́на, Студенкова *напоминаютъ* однодворческія фамиліи»... (р. 320, см. также рр. 323—325, 345 и др.). Я ни за что не рѣшился-бы строить своего вывода—и при томъ такъ рѣшительно—на столь шаткомъ основаніи.

Изслѣдуя Орловскій уѣздъ, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «труднѣй рѣшить, что такое Сухая Орлица: по нашему, это или Казацкая, или Ямская слобода. Далѣе сл. Подмонастырная и Дубовикъ Монастырскій своими названіями указываютъ на то, что это экономическія слободы. Можно думать, что сл. Пятницкая и Покровская (если онѣ не были казачьими) принадлежать также къ монастырскимъ вотчинамъ; тоже предположеніе ожидаетъ с. Лаврово, но все это только предположенія». . . . (рр. 384—385). И такихъ предположеній мы найдемъ не мало во второй половинѣ занимающаго насъ изслѣдованія; предположенія эти оказали несомнѣнное вліяніе на выводы изслѣдователя.

Всякій знаетъ, что исторію заселенія какого-нибудь края слѣдуетъ изучать по документамъ; правда, это работа кропотливая, подчасъ трудная, но за то и болѣе прочная и болѣе плодотворная, чѣмъ работа, въ значительной степени основанная на предположеніяхъ.

Этимъ я закончу свой разборъ труда г. Благовѣщенскаго. Конечно, разборъ этотъ не можетъ претендовать на безусловную полноту: сознаюсь, что нѣкоторыя части работы г. Благовѣщенскаго рассмотрѣны слегка, не съ достаточной подробностью; но въ этомъ я не вижу значительнаго ущерба: мнѣ думается, что я не упустилъ изъ вида ничего существеннаго, ничего крупнаго; характеръ работы достаточно выясненъ—и теперь мы можемъ подвести итогъ.

По всему видно, что г. Благовѣщенскій—новичекъ въ области историческаго изслѣдованія: у него нѣтъ, если можно такъ выразится, выправки настоящаго историка; онъ не вполне усвоилъ себѣ научно-историческіе приемы. Этимъ объясняются, на мой взглядъ, многіе ошибки и промахи въ его работѣ.

Кромѣ того, авторъ обнаружилъ недостаточное знакомство съ литературой предмета: ему остались неизвѣстны нѣкоторые серьезныя изслѣ-

дованія, знакомство съ которыми принесло-бы ему несомнѣнную пользу и сократило-бы количество его ошибокъ и недоразумѣній. Ускользнули также отъ его вниманія и нѣкоторые печатные источники, имѣющіе прямое отношеніе къ избранной имъ темѣ.

Нужно отмѣтить одну черту у г. Благовѣщенскаго, отразившуюся въ его книгѣ—это желаніе быть своеобразнымъ. Этимъ именно желаніемъ объясняю я, напр., полемику его съ И. Н. Миклашевскимъ о значеніи слова «сябрь» и данное имъ оригинальное опредѣленіе общины, опредѣленіе, внесшее въ его работу нѣкоторую путаницу и сбивчивость.

Наконецъ, обращаютъ на себя вниманіе противорѣчія, нерѣдко попадающіяся въ занимающемъ насъ изслѣдованіи; противорѣчія эти—вѣрный признакъ того, что работа недостаточно продумана, что авторъ поторопился ее напечатать; къ тому-же заключенію приводитъ насъ и разборъ плана всего сочиненія.

Однако, не одни недостатки, не одни ошибки и промахи находимъ мы въ трудѣ г. Благовѣщенскаго—есть въ немъ и достоинства. Важной заслугой автора нужно признать то, что онъ нѣсколько освѣтилъ любопытный и сложный вопросъ о землевладѣніи служилыхъ людей южной окраины, въ XVII в. Но еще болѣе важно то обстоятельство, что онъ *первый* сдѣлалъ попытку изучить однодворческое землевладѣніе на исторической основѣ и тѣмъ проложилъ путь другимъ изслѣдователямъ. Первая попытка—всегда трудна и сопровождается многими ошибками и промахами.

Въ виду этого, я считаю возможнымъ удостоить трудъ г. Благовѣщенскаго преміи въ 500 руб.

Гр. Шмелевъ.

